

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ



ЖУЛИК:
ГРАБЕЖ СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ



Сергей Зверев

Жулик: грабеж среди бела дня

«ЭКСМО»

2009

Зверев С. И.

Жулик: грабеж среди бела дня / С. И. Зверев — «Эксмо», 2009

За плечами Жулика уже не один побег из зоны. Но то – из родной, российской. А из французской тюрьмы «Сантэ» еще никто не убежал. Леха Сазонов – первый. Ну не может он по-глупому проводить дни за «колючкой», когда на воле столько возможностей повернуть аферу, и не снившуюся заурядному вору. Леха – мастер сверххитроумной интриги. В этот раз в родном городе его ждет воистину «золотой» подвал: «ушлые» вьетнамцы наладили там производство золотых монет, а сейф забит валютой. Грабануть подвал среди бела дня – достойная задача для Жулика. Надо лишь все тщательно обмозговать и найти единственно верное нестандартное решение...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	16
Глава 2	26
Глава 3	31
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сергей Зверев

Жулик: грабеж среди бела дня

Факты и события, изложенные в книге, вымышлены. Их трактовка не отражает мнения издательства. Любые совпадения имен, фамилий и ситуаций случайны и непреднамеренны.

Пролог

Что французу здорово, то русскому смерть. Особенно – в парижской тюрьме «Сантэ».

Французскому ээку, пусть даже зеленому «первоходу», в «Сантэ» нестрашно. На его стороне адвокаты, поддержка родных и близких, «дачки» с воли и Европейские конвенции по правам человека. Малейший скандал – и полетит директор тюрьмы из своего кресла белым лебедем.

Однако в «Сантэ» содержатся не только французы. За стенами этого средневекового острога мотают сроки и сотни иностранцев. Что, впрочем, неудивительно: ведь Париж издавна притягивает уголовных романтиков со всего света. Зарубежный контингент различается не только по национальности, вероисповеданию, темпераменту, умственной ущербности и тяжести отсидочных статей. Главное отличие одних иностранных ээков от других – в их желании или нежелании встать на путь исправления. И выходцы из России давно завоевали репутацию самой дикой, опасной и трудновоспитуемой клиентуры.

Местные «вертухай» смотрят на российских арестантов враждебно и высокомерно. Малейшая попытка покачать права может закончиться избиением или даже карцером. Договориться со злыднями-надзирателями невозможно – ни по-хорошему, ни за деньги.

Французская братва считает российских пацанов последним отребьем, даже худшим, чем алжирцы и негры. Парижские блатные, называемые тут «апашами», скорее удавятся, чем подогреют русского бродягу пачкой самых дешевых сигарет. А уж о «смотрящих», «общаке», «дорогах» и прочих правильных понятиях эти дешевые фраера никогда и не слыхивали.

Даже платные девки с Сен-Дени, которых с ведома тюремной администрации иногда запускают на «свиданки» под видом арестантских кузин, не спешат одаривать ласками братву из России.

Правда, условия в «Сантэ» почти курортные: двухместные «хаты»-боксы с телевизорами и холодильниками, чистое белье, отдельные душевые, тренажерные залы. Да и пайка не чета российской баланде на комбизире: мясо, фрукты, лягушачьи лапки и даже столовое вино. Но и калорийная «бацилла» не в радость, когда вокруг все чужое: и «рексы», и братва, и «решки», и даже «балдоха»...

...Заходящее майское солнце окрашивало древние плиты прогулочного дворика в нежно-розовые тона. В тесном пространстве, отгороженном высоченными каменными стенами, кучковались заключенные. Солнечные лучи отражались от пуленепробиваемых будочек охранников, отбрасываясь во двор озорными бликами. Холодно поблескивала колючая проволока на гребне стены. Видеокамеры наружного наблюдения были нацелены на ээков, как пулеметы. Радужно-черные глазки объективов отражали коротко стриженные арестантские головы.

И администрация тюрьмы, и ее клиенты были прекрасно осведомлены о безграничных охранных возможностях «Сантэ». Старинный острог сверху донизу контролировался суперсовременной электроникой. Да и секьюрити здесь было не меньше, чем ээков. Мощные стены, массивные решетки, бесчисленные накопители, автоматическая блокировка коридоров... Все это делало саму мысль о побеге глупой и неприличной.

Как и обычно, арестанты держались на прогулке обособленными группами. Французы – отдельно, арабы – отдельно, негры из бывших колоний – тоже отдельно. Естественно, выходцы из Восточной Европы не навязывали своего общества аборигенам. Восточноевропейской братвы было немало: поляки, словаки, белорусы, болгары и несколько десятков русских.

Большинство русских эков совершенно не походило на прототипов книжной серии «Жизнь замечательных людей». Угрюмые физиономии, настороженные взгляды, шербатые рты... Руки некоторых испещряли синие татуировки – в память о зонавском прошлом.

Худощавый мужчина с резкими волевыми морщинами и энергичным поворотом головы выгодно выделялся на фоне товарищей по несчастью. Взгляд его был невозмутимым, лицо спокойным и интеллигентным, манеры внушали невольное уважение.

Этот русский, имевший в послужном списке на родине три судимости и два побега, вот уже несколько месяцев был главной достопримечательностью «Сантэ». Директор тюрьмы непременно показывал его почетным посетителям, присовокупляя цветастый рассказ о подвигах своего подопечного. Местные «вертухаи» смотрели на русского арестанта, словно на дикого зверя в зоопарке. Еще бы – сталкиваться с такими людьми им еще не приходилось...

Все тюремное начальство знало, что этого эка зовут Алексей Сазонов и что соотечественники нередко величают его Лехой и Жуликом. Знали и то, что в России за Жуликом числится целый букет преступлений: дерзкий побег из тюремного вагона, блистательное ограбление преуспевающей фирмы, хитроумный обман российской полиции... Во Францию он прибыл из любви к перемене мест и изысканной роскоши. Раскатывал по Парижу на белом «Ягуаре», обедал в «Максиме», ужинал «У Александра», а ночи проводил в будуарах самых роскошных парижских кокоток. Агенты Интерпола взяли Леху Сазонова в фешенебельном ресторане на Елисейских Полях. Через неделю этого опасного преступника должны были экстрадировать в Россию, где его наверняка ждал многолетний срок в дикой заснеженной Сибири.

Российские правоохранители предупреждали: рецидивист по кличке Жулик дьявольски изворотлив и наверняка попытается бежать еще до экстрадиции. Именно потому за Сазоновым следили так, будто бы он был приговорен к гильотине. В двухместный бокс, где он содержался вместе с пожилым московским банкиром Сергеем Вишневым, каждые пять минут заглядывал коридорный. К чиновникам Интерпола и представителям российского посольства Жулика выводили аж четверо «вертухаев». А на прогулках за ним неотрывно наблюдали самые опытные специалисты охранного ремесла...

Время прогулки близилось к концу. Вечернее солнце, перевалив через гребень стены, скрылось за высоким домом напротив. Во дворике сразу же сделалось прохладно. Надзиратели нетерпеливо посматривали на часы, собираясь загонять эков по боксам.

Неожиданно из угла, где кучковалась восточноевропейская братва, послышался взрыв дикой ругани, и уже спустя несколько секунд эти звуки перекрыло злобное кхеканье и звон оплеух.

Французы, алжирцы и негры опасливо переместились подальше: от буйных и непредсказуемых славян можно было ожидать всякого. Видеокамеры на консолях плавно развернулись в сторону нарушителей режима. А к месту происшествия уже бежали охранники...

Как и следовало ожидать, драку затеял тот самый Сазонов, которого на днях должны были экстрадировать в Россию. Противником Жулика был его сокамерник, Сергей Вишневский. Это не удивляло: вся тюрьма знала, что русские арестанты давно уже не ладили между собой.

Победителя кулачной дуэли можно было определить и без секундантов. Естественно, им стал умудренный лагерным опытом Жулик. Лехин противник пребывал в тяжелейшем нокауте. Правый глаз Вишневого чугунел кровоподтеком, из уголка рта текли красные слюны. Вжимаясь спиной в стену, он утирал разбитый подбородок, бормоча с ненавистью:

– Да я, когда выйду на волю... я тебя, уголовная рожа... из-под земли достану! И закажу!..

Победитель не расходовал силы на пустые угрозы и обещания. Резаный удар в скулу – и Вишневский, ударившись затылком о стену, медленно сполз на каменные плиты двора. И сразу затих.

– Рот закрой, вафля залетит, – невозмутимо посоветовал Леха, утирая кровь с кулака.

Русские зэки заржали, словно брачующиеся жеребцы. Подскочившие «рексы» мгновенно заломили Жулику руки. Спустя секунду на запястьях Сазонова защелкнулись никелированные наручники. Несколько выверенных ударов под ложечку – и голова арестанта бессильно свалилась на грудь.

Через минуту в прогулочный дворик спустился старший офицер смены. Выяснив, в чем дело, французский мент тут же вспомнил о загадочной русской душе и замысловато выругался. После чего распорядился развести нарушителей по карцерам.

С карцерами сразу возникла неувязочка. Почти все одиночные «хаты» были забиты под завязку: на днях в «Сантэ» взбунтовались зэки-арабы, и их пришлось изолировать. Свободным оставался один-единственный бокс. Поразмыслив, тюремный офицер решил поместить туда бывшего бизнесмена; все-таки Вишневский был пострадавшей стороной.

А вот зачинщика драки ждало самое худшее – так называемый «печной подвал»...

Лет триста назад, когда в «Сантэ» еще не было центрального отопления, тюрьма обогревалась дровами и древесным углем. Подвальная кочегарка с давно остывшими печами долго бездействовала, пока кто-то не догадался разделить ее каменными перегородками на блоки. Эти тесные холодные комнатки без окон использовались в качестве штрафных изоляторов лишь в самых исключительных случаях. Условия там были сравнимы разве что с бутырскими: холод, голодуха, издевательства надзирателей и полчища голодных клопов. В «печной подвал» обычно отправлялись наиболее злостные нарушители тюремных порядков – естественно, из числа иностранцев. Даже самое неисправимое «отрицалово», побывавшее там хоть раз, вплоть до окончания срока становилось тихим, задумчивым и очень-очень вежливым...

Перед тем как окунуть Жулика в подземелье, его как следует обшмонали. По меркам «Сантэ», в карманах штрафника не было ничего недозволенного: носовой платок, пачка сахара-рафинада, склянка с каким-то лекарством, выданным тюремными медиками, и непонятно зачем – упаковка презервативов.

Оформив акт о помещении Алексея Константиновича Сазонова в штрафной изолятор, старший по смене вызвал переводчика; так полагалось по французским законам.

– Распишитесь вот здесь, – на плохом русском произнес тот и протянул Лехе авторучку.

Арестант послушно поставил подпись внизу протокола и неожиданно поднял глаза на тюремного офицера. В глазах Жулика блеснул неприкрытый вызов. Французский мент не выдержал взгляда и, отвернувшись, что-то тихо сказал переводчику. И хотя за время заключения Леха Сазонов весьма сносно овладел французским, он на всякий случай уточнил реплику гражданина начальника.

– Мсье офицер удивлен, – бесстрастно сказал переводчик. – Он спрашивает – и как только такие негодяи на свет появляются?

– Пусть посмотрит учебник гинекологии, – вполне доброжелательно посоветовал Жулик. – Правда, текст мсье офицер все равно не поймет. Зато картинки как раз по уму... Доступные.

* * *

Импровизированный карцер в «печном подвале», куда поместили Сазонова, выглядел настоящим средневековым казематом. Это был узкий каменный гроб, половину которого занимала огромная, архаического вида печь. Скользкие от плесени стены испещряли граффити на множестве языков. Интерьер не отличался изысканностью: массивная металлическая дверь

с откидным окошком-«кормушкой», «толкан» в углу, шконарь у стены, старенький рукомойник...

Подземелье находилось на глубине трех метров от уровня тюремного дворика и поэтому не предусматривало окон. Старинные каменные своды наверняка бы выдержали атомную бомбардировку. О побеге не стоило и мечтать: подводная лодка была бы куда более подходящим местом для бегства, чем этот склеп.

Штрафнику выдали старый матрас с комплектом постельного белья и пожелали приятного времяпрепровождения вплоть до экстрадиции в Россию. По тону «мсье офицера» Леха определил: вряд ли «рексы» получили разрешение на битье. Ведь при передаче Сазонова российским ментам его обязательно будет осматривать врачебная комиссия. Даже незначительные царапины на теле зэка могут серьезно осложнить жизнь начальству «Сантэ».

Впрочем, битье – не главный инструмент перевоспитания нарушителей. Пытка темнотой придумана давно и действует безотказно. Именно потому свет в подземном каземате зажигается лишь трижды в сутки – на время утренней, дневной и вечерней пайки. Через несколько дней человек, начисто лишенный внешних раздражителей, начинает медленно сходить с ума. Даже у молодых и здоровых арестантов с твердым рассудком и устойчивой психикой возникают страхи и галлюцинации, поднимается и падает кровяное давление, начисто теряется ощущение времени и пространства. И никакая медицинская комиссия потом не придерется: ну, тронулся человек от тоски по родине, на то «Сантэ» и тюрьма...

...Тяжелая металлическая дверь захлопнулась с мерзким гильотинным скрежетом. Изголодавшиеся клопы, учуяв свежую пищу, радостно устремились встречать постояльца. Тусклая лампочка в зарешеченной кобуре под потолком дважды мигнула и погасла.

– Темнота – друг молодежи... и братвы, – одобрительно хмыкнул Жулик.

Усевшись на жесткую шконку-топчан, на ощупь разложил перед собой содержимое карманов. Отыскал аптекарский пузырек, осторожно свинтил крышку. В ноздри ударил характерный аромат льняного масла. Этот безобидный препарат Сазонов вполне законно получил от тюремного «лепилы» – мол, кожа шелушится, надо смазывать. В толстом шве свитера было загодя спрятано несколько спичек, и это пришлось как нельзя кстати.

Арестантская смекалка, помноженная на либерализм французских тюремных порядков, позволила Жулику быстро решить проблему освещения. Достаточно было вставить в пузырек хлопковый фитиль, чиркнуть спичкой о пол и поднести ее к промасленному кончику ткани – и самодельная лампадка стала надежным источником света. Ведь лоховатые тюремщики «Сантэ» даже не догадывались, что «средство от шелушения кожи» можно использовать как-то иначе.

Пляшущий огонек скупно выхватывал из полутьмы кладку старинной печи. Подойдя к металлической двери, Леха приложил ухо к «кормушке». Со стороны коридора доносился приглушенный звук телевизора: видимо, «рекс» коротал ночную смену в каморке перед решетчатым накопителем.

По расчетам Сазонова, он должен был объявиться лишь к утренней пайке. Вряд ли нашлась бы какая-то сила, которая заставила бы «вертухая» регулярно заглядывать в глазок: ничего интересного в крошечной темноте он все равно бы не рассмотрел. Даже самый бдительный специалист охранного дела ни за что бы не заподозрил узника «печного подвала» в подготовке к побегу.

И представители Интерпола, и тюремщики, и даже братва свято верили в непроходимость стен и непоколебимость решеток средневекового каземата.

И лишь Жулик не разделял всеобщей уверенности. Он давно уже просчитал: это мрачное, лишенное окон подземелье и есть самое подходящее место для бегства из «Сантэ»...

* * *

Ровно в семь утра коридорный подошел к металлической двери и, опустив кормушку, призывно постучал ключами. Русский зэк никак не отреагировал на приглашение к утренней пайке. Это удивляло: после первой же ночи, проведенной в «печном подвале», все без исключения штрафники мчались к двери со скоростью гоночного болида «Формулы-1».

– Ля рюс! – лениво позвал тюремщик.

Ответа не последовало.

Надзиратель щелкнул рубильником и заглянул в камеру через опущенную кормушку.

Сперва ему показалось, что он галлюцинирует. «Вертухай» зажмурился, потер ладонями виски, открыл глаза...

Камера зияла девственной пустотой. Интерьер оставался прежним: старинная печь с огромной решеткой на устье, истертая шконка-топчан со свернутым матрасом, чугунный унитаз, раковина в углу, стены с засохшими клопинными трупами... Только вот русского арестанта нигде не было.

Надзиратель вспомнил шоу Дэвида Копперфилда, который на глазах тысяч зрителей проходил сквозь любые стены. Но ведь даже самый продвинутый чародей ни за что бы не выбрался из глухого тюремного подземелья, лишённого окон и расположенного к тому же на трехметровой глубине! На такой невероятный фокус был способен только бесплотный дух.

В «Сантэ» немедленно объявили тревогу. По коридорам, боксам и кабинетам огромного здания, словно взрывная волна, ломающая стены и двери, покатилося известие о побеге. Вскоре в «печном подвале» собралось высокое начальство. Тюремщики долго топтались в тесной камерке, явно не зная, с чего начать осмотр. Они заглядывали под топчан, обстукивали стены и даже зачем-то спускали воду в унитазе. Никаких следов беглеца обнаружено не было. Правда, вместе с Сазоновым исчезла и казенная простыня, но этому обстоятельству поначалу не придали значения.

Наконец кто-то предложил осмотреть старинную печь. Едва старший офицер смены прикоснулся к решетке на устье, как она с мерзким грохотом свалилась на каменный пол. Присев на корточки, тюремщик мгновенно переменялся в лице. В местах, где решеточные штыри крепились к кладке, зияли огромные овальные дыры. Выломать решетку, наглухо вмурованную в печь, могла только сборная тяжелоатлетов. А ведь исчезнувший русский не отличался богатырскими статями...

– О-ла-ла... – изумленно присвистнул мсье офицер и осторожно сунул голову в печное устье.

Старинная топка была достаточно объемной, чтобы человек мог ползком проникнуть внутрь. Стало быть, сперва арестант непонятно как выломал решетку, затем залез через устье в топку и уже изнутри водрузил решетку в исходное положение...

Однако внутри печи Жулика, естественно, не было. Дальнейшие действия беглеца оставались полной загадкой.

Чертыхаясь, старший офицер смены осторожно продвинулся внутрь топки. Поминутно кашляя от угольной пыли, включил фонарь и задрал голову. Он сидел на дне длинной узкой шахты. Древний дымоход шел строго вверх, и луч фонаря растворялся в чернильной темноте закопченного колодца.

Увиденное ровным счетом ничего не проясняло. Дымоход, начинавшийся в топке подземной печи, имел протяженность около пятнадцати метров и заканчивался трубой на крыше «Сантэ». Над трубой возвышался высокий дождевой козырек треугольной формы. Ни внутренних скоб, ни выступов внутри этой длинной узкой шахты не наблюдалось. Для того чтобы

выбраться на крышу, следовало иметь или крылья, как у ангела, или подвесной моторчик, как у Карлсона. Ни того ни другого у Алексея Сазонова не было...

Ломая подвальную тишину каблуками, в каморку вошел сам директор тюрьмы. Рассеянно выслушал рапорт старшего офицера, задал несколько вопросов дежурному по «печному подвалу» и лишь после этого осознал, что Алексей Сазонов действительно сбежал... Мсье директор живо представил, чем может закончиться этот побег для его карьеры, после чего схватился за сердце.

Ситуация требовала немедленного прояснения. С трудом взяв себя в руки, директор «Сантэ» переделся в комбинезон и осторожно полез в топку. Он долго подсвечивал дымоход мощным фонарем, однако никаких следов русского зэка так и не обнаружил.

Вскоре тюремщики появились на крыше главного корпуса «Сантэ». Передвигались они очень осторожно, то и дело пригибая голову: над печными трубами громоздилось несколько десятков разнокалиберных антенн с переплетениями стальных проводов. Осмотр черепицы оправдал самые худшие опасения. На керамических плитах темнели свежие следы печной сажи. Это означало, что русский уголовник каким-то непостижимым образом взлетел по отвесному дымоходу на крышу и словно испарился. С тюремной крыши можно было спрыгнуть только во двор, контролируемый охраной, собаками, сигнализацией и видеокамерами. Нетрудно было предположить, чем закончился бы для беглеца прыжок с двенадцатиметровой высоты...

Исчезновение Сазонова отдавало густопсовой мистикой. Казалось, даже самый изощренный ум никогда не сможет восстановить полный сценарий бегства. Мысленно попрощавшись с высокой должностью, директор тюрьмы сообщил о произошедшем в полицию и жандармерию. Вскоре истошные вопли сирен с площади Ля Сантэ возвестили о прибытии полицейских машин.

Выслушав беглый рапорт мсье директора, детективы поняли, что беглец их просто дурачит. Они исходили из очевидного: Сазонов ни при каких обстоятельствах не смог бы покинуть «Сантэ», а наверняка спрятался где-то на территории огромного тюремного комплекса.

От непредсказуемого русского уголовника можно было ожидать всего – вплоть до вооруженного сопротивления и захвата заложников.

Квартал был немедленно оцеплен по периметру. Снайперы заняли позиции на крышах окрестных зданий. Жители ближайших домов и клиенты уличных ресторанчиков были спешно эвакуированы. Одна бригада полицейских тщательно, сантиметр за сантиметром, обследовала тюрьму. Другая бригада допрашивала зэков, тюремщиков, хозобслужу и даже самого мсье директора. Группы экспертов-криминалистов работали на крыше и в подzemелье.

Ни планомерный шмон помещений, ни перекрестные допросы не принесли никаких результатов. Эксперты также разводили руками – такого загадочного побега в их практике еще не случалось. Сломанная решетка, пятна сажи на крыше да пропавшая казенная простыня так и остались единственными фактическими свидетельствами исчезновения Сазонова.

Скандал назревал нешуточный: чиновники российского отделения Интерпола могли теперь запросто обвинять руководство «Сантэ» в халатности, непрофессионализме и даже преступном пособничестве опасному рецидивисту.

После обеда директор «Сантэ» подписал прошение об отставке. После чего заявил, что «этого русского негодяя» сразу же после ареста следует публично гильотинировать. Надзиратель, дежуривший ночью в «печном подвале», вызвался собственноручно привести приговор в исполнение.

Шестеренки полицейского механизма мгновенно набрали нужные обороты.

Начальник департамента криминальной полиции Парижа сразу поставил расследование под свой контроль. Министерство юстиции объявило премию в пятьдесят тысяч евро за любую информацию, способную прояснить обстоятельства бегства. На поимку опасного рецидивиста

отрядили лучших парижских детективов. Агенты криминальной полиции дежурили в аэропортах, на вокзалах и на узловых станциях метро, опрашивали портье дешевых гостиниц, зрителей приютов «Армии спасения», хозяев автосвалок и даже клошаров, обитающих под мостами через Сену.

Приметы Жулика несколько раз передали в вечерних теленовостях. Бульварные газеты звывли, на все лады смакуя подробности невероятного бегства из несокрушимой и легендарной тюрьмы. Известие о побеге повергло парижан в состояние шока: в их представлении русский уголовник рисовался эдаким диким варваром в мохнатой папахе, с кривым кинжалом в зубах.

Успокаивая общественное мнение, шеф криминальной полиции Парижа несколько раз выступил по телевидению. С присущим французам темпераментом он поклялся: в ближайшую неделю беглец будет арестован, обезврежен и предъявлен достопочтеннейшей публике.

Страсти сразу же улеглись – во Франции принято верить полиции. Парижане не сомневались: в самые ближайшие дни беглый уголовник непременно вернется в «Сантэ»...

* * *

Тридцатичетырехлетний аферист Алексей Сазонов принадлежал к той редкой и счастливой категории людей, для которой слово «невозможно» не существовало. Ум его не знал запретов, а воля не ведала преград. Именно потому он и заслужил у российской братвы почетное погоняло Жулик. Свободный художник криминального мира, Леха ко всем своим проблемам подходил творчески, сочетая изощренную фантазию и несокрушимую логику.

Тюремное заточение было для него так же неприемлемо, как раскаленная сковорода для рыбы. А уж экстрадиция в Россию и вовсе не сулила ничего путного: даже по самым скромным подсчетам, российские похождения Жулика тянули лет эдак на десять строгого режима. Перспектива любования полярным сиянием в обществе белых медведей совершенно не устраивала жизнелюбивого Леху. Именно потому он и решил «объявить себе амнистию» еще до этапа в Россию.

Мысль о «зеленом прокуроре», зародившаяся у Жулика сразу после водворения в «Сантэ», поначалу выглядела абстрактной, как математическая формула. Но уже через несколько недель эта мысль обросла вполне конкретными очертаниями.

Об особенностях заключения в «печном подвале» Леха узнал от российских пацанов, побывавших там на перевоспитании. Описание старинных печей с зарешеченными устьями сразу же заинтересовало профессионального афериста. Не надо было быть инженером, чтобы понять: древние дымоходы использовались в качестве вентиляционных шахт. Именно потому тюремное начальство навесило на печные устья «решки», а не замуровало их кирпичом: ведь в герметично закупоренном подземелье узник не протянул бы и часа.

Так почему бы не бежать на волю тем самым путем, по которому в подвал проникал пьянящий воздух свободы?!

Технология побега, придуманная Лехой, была неповторимо изящной, словно росчерк пера федерального казначея на столларовой купюре. Но для того, чтобы претворить ее в жизнь, требовалась серьезная и кропотливая подготовка.

Приготовления заняли больше месяца. За это время Сазонов с присущей ему осторожностью раздобыл через третьи руки упаковку сухого спирта и небольшую пластмассовую катушку из-под ниток. Посетил тюремный спортзал и незаметно свинтил с гимнастического тренажера замысловатую металлическую скобу-тройник. Осторожно обточил железяку о камень, а концы тройника выгнул в разные стороны. В результате получилось подобие абордажного крюка, сильно уменьшенного в размерах. В медсанчасти Леха безо всяких проблем получил льняное масло и упаковку презервативов. Бесплатные контрацептивы выдавались здесь всем желаю-

щим во избежание СПИДа: ведь в «Сантэ» мотали сроки не только национальные, но и сексуальные меньшинства.

Каждому из этих предметов в предстоящем побеге отводилась особая роль.

И презервативы, и кубики сухого спирта, упакованные в обертку из-под сахара-рафинада, не должны были вызвать подозрений тюремщиков. А вот скобу-тройник и пластмассовую катушку умудренный зоновским опытом Жулик спрятал в полых каблуках туфель.

Теперь предстояло вычислить протяженность дымохода от печи до крыши. Высота одного этажа равнялась трем метрам – эту цифру Сазонов узнал, банально измерив расстояние от пола до потолка в своей камере-боксе. Умножив полученную величину на количество этажей корпуса, то есть на три, Жулик накинул несколько метров на толщину потолочных перекрытий и высоту дымовой трубы. А уж о том, что «печной подвал» расположен именно на трехметровой глубине, в «Сантэ» знал едва ли не каждый: местные надзиратели не раз пугали этой цифрой неисправимое славянское «отрицалово»...

Остановка была за немногим: попасть в «печной подвал» на перевоспитание. В зловещий подземный карцер вело множество самых разнообразных дорог. Однако кровавая разборка с товарищем по заключению выглядела самой надежной. Московский банкир Сережа Вишневский, обвиняемый в махинациях с драгоценными металлами, и был, по мнению Жулика, наиболее подходящим товарищем для имитации такой разборки. Вишневский согласился помочь земляку, но, в свою очередь, дал ему небольшое поручение в России. Он верил, что хитроумный аферист сумеет не только бежать из «Сантэ», но и благополучно добраться до родины.

Сперва следовало убедить надзирателей в полной психологической несовместимости сокамерников. Несколько недель кряду арестанты упражнялись во взаимных оскорблениях. Естественно, усердствовали они лишь в присутствии «вертухаев». Цель была достигнута: надзиратели быстро поверили, что Алексей Сазонов отличается склочным нравом и неуживчивым характером. Никто и не сомневался, что от угроз в адрес сокамерника он когда-нибудь перейдет к их исполнению...

Разборка с Вишневским произошла на следующий день после того, как в «Сантэ» взбунтовались арабы. Детей оазисов и пасынков барханов сразу же разбросали по «одиночкам». Так что единственным местом изоляции зачинщика мог стать только «печной подвал».

Инсценировка драки удалась на славу: и арестанты, и «рексы», и начальник тюремной смены сразу же поверили в реальность конфликта. Сергей, грамотно подставившись под удары, мгновенно заработал репутацию жертвы махрового беспредела. По глазам подошедшего «мсье офицера» Леха определил безошибочно: именно его как зачинщика драки и окунут в страшное подземелье. А уж там за ним наверняка не станут следить.

Да и зачем? Ведь побег из «печного подвала» казался нереальным абсолютно для всех. И для тюремщиков – в первую очередь: отупевшие от служебной рутины охранники мыслили трафаретами, раз и навсегда вбитыми в их резиновые полицейские мозги. Надежность запоров, изошренность сигнализации, а главное – полное отсутствие в подземелье окон, – все это естественным образом усыпило их бдительность.

Что, собственно, и требовалось...

...Убедившись, что до утренней пайки «рекс» вряд ли нанесет визит в карцер, Сазонов сразу же принялся за дело. Поставил самодельную лампадку на пол у печки. Выложил перед собой серые кубики сухого спирта, внешне почти не отличимые от рафинада. Присел у печи на корточки, да так минут десять и просидел, изучая особенности крепления «решки» к старинной кладке.

Мощная решетка выглядела несокрушимой только на первый взгляд. Держалась она на четырех штырях, вмурованных в древний кирпич. Разувшись, Леха достал из-под стельки самодельную «пику», выточенную из обувного супинатора. Она была достаточно острой, чтобы расковырять отверстия в тех самых местах, где металлические штыри крепились к кладке.

Работа требовала терпения, однако Сазонову было его не занимать. Спустя несколько часов все четыре отверстия над штырями были достаточно глубокими, чтобы втиснуть в них кубики сухого спирта. Огонек самодельной лампадки несмело лизнул кубики, и спустя несколько секунд они зажглись ровным синеватым пламенем. Дождавшись, когда сухой спирт выгорит, Леха обильно полил раскаленный кирпич водой из рукмоуника. Затем вновь вставил в отверстия серые кубики и поднес зажженную лампадку...

Как и следовало ожидать, средневековая кладка не выдержала резких перепадов температуры. Вскоре цемент и кирпич вокруг штырей раскрошились, и решетку можно было расшатать голыми руками.

Сняв тяжелую «решку», Жулик достал из кармана носовой платок и, смочив его, тщательно вымыл пол у печи. Осторожно залез в топку и, подсвечивая самодельным светильником, задрал голову. Ни дымовой заслонки, ни решетки над топкой не наблюдалось.

– Все в масть, – удовлетворенно улыбнулся Леха; он был на верном пути.

Теперь предстоял самый ответственный момент: соорудить приспособление для подъема. Арестант вылез из топки, отломал пустотелый каблук и извлек из него крюк-тройник, загодя выгнутый из детальки гимнастического тренажера. Несмотря на скромные размеры и малый вес, тройник выглядел достаточно надежным.

Аккуратно отрезав от простыни несколько тонких полос, Жулик связал их в длинный шнур, конец которого привязал к крючку-тройнику. Для прочности и удобства навязал по всей его протяженности узлов. Шнур получился куда длинней необходимых пятнадцати метров. Вскрыв упаковку презервативов, Леха вновь залез в топку. У арестанта еще оставалось несколько кубиков сухого спирта, и это пришлось весьма кстати.

Взяв горящую лампадку, арестант поднес ее к кубикам – те вспыхнули ровным синим пламенем. То и дело наклоняясь к огню, Жулик полной грудью вдыхал зловонный чад и тут же же выдувал теплый воздух в презервативы.

Надув таким образом всю упаковку противозачаточных средств, Сазонов связал их гирляндой. К последнему в цепочке кондому прикрепил крюк-тройник с привязанным шнуром, после чего отпустил его, аккуратно подтравливая обеими руками. Согласно законам физики, надутые теплым воздухом «резинки» медленно поползли вверх по узкому дымоходу. Арестант экспериментировал с крюком еще в камере и потому знал: подъемная сила интимно-гигиенических средств будет достаточной, чтобы вознести тройник со шнуром до уровня печной трубы.

– Русская братва выступает за безопасный секс с французскими тюрьмами, – прокомментировал Жулик, наблюдая, как белая цепочка контрацептивов скользит по закопченному жерлу.

Дождевой козырек над трубой был очень высок. Когда надутые презервативы поднялись до разрыва между печной трубой и нависавшим над ней козырьком, ветер понес их в сторону. Лехе осталось лишь осторожно подтянуть шнур на себя и убедиться, что тройник прочно зацепился за одну из вертикальных скоб, крепивших козырек к трубе.

Установив изнутри решетку в исходное положение, арестант рассовал по карманам все следы своего пребывания в камере: аптекарский пузырек из-под льняного масла, упаковки из-под кондомов, неиспользованный лоскут простыни и картонку из-под «рафинада».

По его подсчетам, теперь было где-то между двумя и тремя часами ночи. Лучшего времени для побега и придумать было нельзя.

– Рожденный ползать бежать не может! – справедливо заметил Леха и, натянув шнур, осторожно полез наверх.

Конечно, риск сорваться был очень велик. Подниматься приходилось в кромешной темноте. Самодельный шнур бритвой резал ладони. Ноги болтались, то и дело проваливаясь в зия-

ющую пустоту. Тело раскачивалось, словно новогодняя игрушка на елке. Несколько раз беглец забывал распрямить ноги и потому ушибался коленями о каменную кладку дымохода.

Но останавливаться было нельзя. Арестант понимал: удержаться на высоте можно только в движении. Малейшее расслабление – и он полетит на чугунный пол печной топки. Несколько раз Лехе казалось, что крючок-тройник вот-вот соскользнет с вертикальной скобы, и лишь огромным усилием воли беглец отгонял от себя эту мысль.

В конце концов, ухватившись истертыми в кровь ладонями за край трубы, Жулик поднял голову... И тут же вскрикнул от боли: он немного не рассчитал и больно ударился темечком о внутреннюю поверхность дождевого козырька. Однако спустя минуту наконец-то ступил на хрустящую черепицу крыши.

Опрокинутый купол парижского неба, подкрашенный по краям неровным желтым заревом, выглядел на удивление праздничным. В далекой перспективе гигантского мегаполиса переливался иллюминацией трехсотметровый силуэт Эйфелевой башни. Мелкие звезды сливались с огнями электричества. Где-то внизу, в уличном ресторанчике, хрипло картавил шансон. Беспечные парижане предавались всем радостям жизни, и никому не было дела до какого-то русского ээка, который с риском для жизни бежал из старинного острога...

Силы были на исходе, но об отдыхе нельзя было даже подумать. Перевалив через треугольный скат крыши, беглец юркнул за печную трубу и присел на корточки. Перспектива быть замеченным с площади Ля Сантэ или, чего доброго, с территории тюрьмы совершенно не входила в его планы.

Теперь предстояло аккуратно спуститься вниз. Конечно же, профессиональный аферист уже знал, как он это сделает.

Готовясь к «рывку», Жулик не зря захватил с собой пластмассовую катушку из-под ниток. Высокие мачты-антенны с переплетением стальных проводов отлично просматривались даже с уровня прогулочного дворика. Наблюдательный Сазонов давно обратил внимание: несколько проводов тянутся с крыши «Сантэ» к соседним зданиям под небольшим наклоном...

Отцепив крючок от скобы дождевого козырька, Леха поддувал презервативы, а резиновые ошметки рассовал по карманам. Оторвал от импровизированного шнура метровый отрезок, а остальное, смотав вокруг уже ненужного тройника, сунул за пазуху. Протянув шнур сквозь катушечное отверстие, Сазонов зафиксировал пластиковый цилиндр двумя узелками; в противном случае катушка соскользнула бы со шнура.

При помощи этого самодельного ролика Жулик и рассчитывал покинуть тюремную крышу. Следовало забросить катушку таким образом, чтобы ее желобок точно вписался в стальную проволоку, протянутую от антенны на крыше «Сантэ» до антенны на крыше противоположного здания. Затем оттолкнуться от черепицы и, подогнув ноги, плавно съехать по наклонному проводу.

Задумка была неплохой, но уж очень рискованной.

Во-первых, залитая электричеством крыша отлично просматривалась с площади Ля Сантэ – не говоря уже о самой тюрьме. Открытое пространство между тюремными корпусами и соседним домом просматривалось и того лучше.

Во-вторых, беглец не был уверен, что тонкая проволока выдержит его вес. Да и обе антенны запросто могли прогнуться.

В-третьих, Сазонов не знал, есть в противоположном доме пожарная лестница или нет... Да и обитатели освещенных мансард могли засечь его из окон.

А ведь были еще и «в-четвертых», и «в-пятых», и «в-шестых»...

И все-таки Жулик решил на этот невероятный, почти цирковой трюк. Уж лучше смертельный риск, чем экстрадиция, суд и многолетний срок на гибельном лесоповале. Да и обратного пути в «печной подвал» у него уже не было.

Если все предыдущие действия Лехи были спланированы с арифметической точностью, то теперь ему оставалось надеяться на простое человеческое везение.

Везет, как известно, сильнейшим. Подфартило и Жулику. Все получилось именно так, как он и рассчитывал. Ловко накинув нехитрое роликовое приспособление на упругий стальной провод, Сазонов в считанные секунды съехал на крышу соседнего дома, пролетев над Парижем легкой фанеркой.

Конечно же, он не знал, засекали его нежелательные свидетели или нет, но теперь это уже не имело никакого значения.

Ступив на соседнюю крышу, недавний узник «Сантэ» быстро отыскал пожарную лестницу, ведущую в темный колодец неосвещенного двора. И осторожно полез вниз, постепенно растворяясь в чернильной темноте ночи...

* * *

Ни полицейские детективы, искавшие Алексея Сазонова по долгу службы, ни гражданские энтузиасты, мечтавшие о премии в пятьдесят тысяч евро, так и не обнаружили никаких следов беглеца.

В первые дни поисков полицейские не слишком-то и расстраивались. Они понимали: сколь бы хитроумным ни был русский уголовник, он не сможет уйти слишком далеко. Несовершенное знание Сазоновым французского, отсутствие у него документов и денег, а особенно бдительность граждан, подкрепленная обещанной премией, – все это сведет его шансы к абсолютному нулю. Можно было не сомневаться: за пределы Большого Парижа беглец не уйдет. Вся малина на его тропе будет обгажена.

Однако поиски почему-то затягивались. И лишь через три дня, когда стало очевидно, что Алексея Сазонова уже не найти, французские полицейские официально уведомили российских коллег о своем полном бессилии...

Глава 1

Бренчащий утренний троллейбус неторопливо катил по пустынному городу. Стекла салона отражали в себе единственного пассажира – жилистого коренастого мужчину лет около сорока. Жизнь явно прошла по нему рашпилем. Коротко стриженную голову испещряли мелкие шрамы. Тонкие синие губы были обветренны. Глаза, окруженные сетью морщинок, смотрели угрюмо и недоверчиво. Стоя на задней площадке, мужчина цепко всматривался в городские пейзажи, проплывавшие за окнами. Руки его лежали на поручне, и узлы суставов нервно вздрагивали.

На остановке «Красный мост» пассажир вышел и, помахивая стареньким чемоданчиком, направился в сторону жилого массива. У открытой двери с завлекательной вывеской «Рюмочная» он остановился, подумал и решительно шагнул во влажную полутьму зальчика.

– Сто... нет, сто пятьдесят граммов «белой», – произнес он, подойдя к стойке.

Заспанная продавщица равнодушно набулькала водки в пластиковый стаканчик.

Посетитель прошел к столику у окна. Взглянул на свое отражение и, скупно улыбнувшись, чокнулся со стеклом.

– Ну, Эдик... С возвращеньцем, – сказал он самому себе.

Выпил, зажмурился и, смяв пластиковый стаканчик, вышел на улицу.

– Гражданин, – неожиданно послышалось из-за спины. – Гражданин! Да, вы. Ваши документы!

Гражданин обернулся – из-за угла к нему направлялись двое ментов.

– Пожалуйста, – достав из кармана сложенный вчетверо бумажный листок, он протянул его правоохранителям.

– Что это такое? – Милицейский прапорщик развернул бумажку. – Так-так-так. Справка об освобождении... Гражданин Голенков Эдуард Иванович, осужден по статье... Значит, сидели, гражданин Голенков? Сиде-ели.

– Голенков, Голенков... – глядя на справку из-за плеча прапорщика, сержант-напарник глубокомысленно морщил лоб. – Что-то фамилия больно знакомая.

– Фамилия как фамилия, – буркнул гражданин.

– Во, вспомнил! – Добросовестно прочитав документ от начала и до конца, прапорщик неохотно вернул его владельцу. – Ты в нашем горотделе, часом, не работал? Опер там когда-то такой был... Капитан Голенков. Потом его посадили. За взятки, кажется. Гро-омкое дело было!

– Это я и есть, – неохотно признался недавний зэк.

– То-то я смотрю... Ну и как там ментовская зона? Жить-то хоть можно?

– Зона как зона, – все так же сумрачно ответил Голенков. – Так я свободен?

– Пока вновь на шконари не загремишь! – жизнерадостно заверил прапорщик и кивнул разрешающе: – Ладно, иди, Эдик. Главное – нам не попадайся!

Дом, в котором бывший мент Голенков жил до отсидки, находился в глубине жилого массива, напротив заброшенной котельной. Это была облезлая блочная пятиэтажка, населенная потомственными алкоголиками-пролетариями. Роскошный черный джип «Линкольн Навигатор», стоявший у родного подъезда, явно не вписывался в картину привычной нищеты.

– И кто это здесь такой крутой поселился? – удивленно пробормотал Эдик.

Он знал, что жена Наташа теперь наверняка дома. Еще с вокзала освободившийся зэк позвонил домой и, убедившись, что к телефону подошла именно она, сразу же повесил трубку. Хотелось появиться внезапно, радостным сюрпризом. Хотелось услышать удивленный вскрик-всхлип – «Это ты, Эдичка?..» Хотелось прикоснуться губами ко лбу спящей дочери. Да и вообще, много чего хотелось. Но больше всего – сразу же окунуться в старую, долагерную

жизнь, где не было ни построений на плацу, ни изнуряющей «промки», ни дебила-отрядного, ни остальных ужасов ментовской зоны.

Голенков поднялся на второй этаж, неслышно открыл своими ключами дверь и на цыпочках вошел в прихожую. И застыл, пораженный...

На крючке висельником болтался огромный мужской плащ. Под вешалкой стояли туфли сорок пятого размера. А из глубины квартиры доносились оргазмические вздохи, всхлипы и крики.

Женский голос, несомненно, принадлежал жене Наташе. На него, как на шампур, нанизывались другие звуки: скрип кровати, равномерное дзиньканье в серванте и густое мужское сопение. Мешанина звуков начисто парализовала сознание Эдика. Конечности мгновенно утратили способность двигаться, а мозг – анализировать. Но слух все-таки не отключился, и слух подсказывал, что звуки доносятся из спальни.

Спустя минуту Голенков осознал, что он еще дышит и что ноги удерживают тело вертикально. Качнувшись, он механически двинулся на звук.

Тем временем сладострастные стоны и вздохи достигли верхних нот. Эдик непонятно зачем постучал в дверь и, ощутив в себе приступ внезапной ярости, рванул ручку на себя.

Сцена поражала небывалой откровенностью. На супружеском ложе, среди сбитых простыней и скомканных одеял, лежала обнаженная Наташа. Потное тело ее блестело, как чешуя свежепойманной щуки. А между ее раздвинутых ног равномерно двигалась массивная волосяная задница.

– Гыххх... – сдавленно выдохнул обесчещенный муж и, сжав кулаки, бросился на совокупляющуюся парочку.

– Это... ты, Эдичка? – Заметив невесть откуда взявшегося супруга, Наташа в ужасе вынырнула из-под партнера и забилась в угол, стыдливо прикрывшись подушкой.

Подскочив к мужчине, Голенков резко схватил его за плечо. Тот обернулся, и бывший мент испытал чувство мгновенного и пронзительного узнавания... Любовником жены оказался Юра Коробейник, его старинный друбан, с которым он когда-то вместе работал в горотделе.

Коробейник, однако, нимало не смутился. Тяжело пыхтя, он грузно поднялся с кровати. И, совершенно не стесняясь ни собственной наготы, ни влажного члена, торчащего из-под яйцеобразного живота, спокойно протянул руку:

– Привет, Эдик. С возвращением. Меня, если помнишь, Юрой зовут. – Поняв, что бывший сослуживец не ответит рукопожатием, Коробейник плавно перевел приветственный жест в другой, показав большой палец. – И я во-от такой вот мужик! Видишь, как э т о делается?

– Сука, – сипло выдохнул Голенков, отступая назад.

– Но-но, – строго сказал бывший сослуживец. – Ты мне таких слов не говори. Я теперь подполковник милиции, начальник городского ОБЭПа. А ты кто? Никто, и звать тебя никак. Бывший зэк, у которого всех документов – «Справка об освобождении». И к тому же, как я вижу, нетрезвый. Я те щас живо «нападение при исполнении» оформлю. Кому скорее поверят – мне или тебе? И вообще – выйди из спальни. Наташа хочет одеться, а тебя стесняется.

Удивительно, но Голенков безропотно подчинился. Лагерный опыт подсказывал: уж лучше права не качать, дороже выйдет. Да и Юра был тяжелее его килограммов на семьдесят. Кстати или некстати вспомнился старый анекдот: «Возвращается муж из командировки, а дома...»

Пройдя на кухню, Эдик тяжело опустился на стул. Несколько минут он отрешенно молчал, осмысливая увиденное и услышанное. Недавний зэк был подавлен, обескуражен и унижен одновременно. Механически прикурил сигарету не тем концом. В сердцах посулил Наташе того, что она и так всю ночь имела в избытке. Потер ладонями вспотевшие виски. Непонятливо взглянул перед собой.

На столе, среди грязной посуды и сигаретного пепла, возвышалась недопитая бутылка «Абсолюта». Скрутив латунную пробку, Голенков от души приложился к горлышку. Водка попала не в то горло, бешеная слеза ударила в нос картечиной, и перехваченный голос засипел с драматичным надрывом:

– Суки поганые...

– ...такой облом, кончить не дал, – будто сквозь толщу воды различил он свистящий шепот Коробейника.

– Лучше бы я не возвращался, – горько посетовал освободившийся арестант и сжал кулаки с такой силой, что костяшки пальцев хрустнули.

И лишь теперь он вспомнил о дочери. Четыре с половиной года назад, когда его арестовали, Танюше было почти тринадцать. С тех пор Голенков видел ее только на фотографиях – супруга всегда приезжала на долгосрочные «свиданки» одна...

– Танька где? – петушиным фальцетом выкрикнул Эдик, не оборачиваясь в сторону спальни.

– У Мандавошки ночует, – как ни в чем не бывало отозвалась Наташа.

Голенков аж привстал из-за стола.

– У кого-о-о?

– Ну, у Лиды Ермошиной, – боязливо пояснила жена. – Это Танькина подруга. Тут, рядом живет, в доме над «Рюмочной». Маленькая такая, худенькая, черненькая... А Мандавошка – это ее кличка. Ее все так зовут. Она и не обижается.

– Сама, значит, кобеля на ночь привела, а дочь из дому выгнала? – вновь начал заводиться супруг.

Неожиданно, словно в подтверждение его слов, из Таниной комнаты донеслось нетерпеливое собачье поскуливание.

– Кто там еще у тебя? – ошарашенно спросил Эдик.

– Мент.

– Кто-о-о? – просипел бывший правоохранитель. – Как – еще один?

– Да это кобель, ротвейлер. Кличка у него такая – Мент. Мне его в милицейском питомнике подарили, – немного испуганно сообщила Наташа. – Бедненький, гулять просится...

– Так ты еще и по питомникам шляешься? – Бывший зэк окончательно утратил самообладание. – Одного мента тебе мало? Сколько еще надо для полного счастья?! Взвод? Или дивизион?

А на кухню уже заходил Коробейник. Оделся он на удивление быстро. Товарищ подполковник выглядел настоящим джентльменом, достойным украсить собой самую модную тусовку. Дорогой темно-синий костюм, столларовый галстук на выпуклом животе, золотые запонки, приятно скрипящие туфли... Глядя на него, становилось понятно, почему все городские менты так стремятся в ОБЭП. Только теперь Голенков догадался, кому принадлежит роскошный джип «Линкольн Навигатор», стоявший у подъезда.

Усевшись напротив, бывший коллега шумно отодвинул табуретку назад – огромный яйцеобразный живот упирался в столешницу.

– Ладно, Эдик, – примирительным басом молвил он. – Мне очень жаль, что все так некрасиво вышло. Давай выпьем... и обо всем позабудем. А?

– Да, Эдичка, выпейте вместе, – подошедшая Наташа одной рукой приобняла мужа, а другой принялась разливать спиртное по рюмкам. – И я с вами...

Бывший арестант отрешенно кивнул. Он явно не находил слов.

– Ну что, Эдик... С возвращением! – предложил Коробейник и, не чокаясь, выпил.

– Да уж. Встретили меня по высшему разряду, – сдавленно выдохнул Голенков.

– Ты бы предварительно позвонил, сказал, когда тебя ждать, – издевательски улыбнулся толстяк; он явно наслаждался своей позицией силы.

Эдик хотел было что-то возразить, однако Наташа сразу перехватила инициативу.

– Ладно. С кем не бывает. Ты ведь меня тоже пойми. Больше четырех лет без мужика.

– Вот и нашла себе мужика. Совет да любовь, – обманутый муж сжал кулаки в бессильной злобе.

– Эдичка... Давай поговорим как интеллигентные люди, – миролюбиво предложила Наташа.

– Я девять лет в ментуре служил, – хмуро возразил Эдик.

– А я, думаешь, где служу? – парировал Коробейник. – Только я вот служу, а ты... сам знаешь. Сам и виноват. Не хрен было с фигурантов взятки брать.

– Да не брал я, не брал никаких взяток! – в сердцах воскликнул бывший правоохранитель. – Те проклятые баксы мне Жулик в квартиру подбросил! Ну, Сазонов, итить его мать! И ты это знаешь, и весь горотдел об этом знал! И прокуратура! Из меня козла отпущения сделали... Или не так? А взятки... Их все в ментуре берут. Ты, что ли, перед законом такой чистенький?

– Все берут, да не все попадают, – наставительно поправил Юра, колыхнув огромным животом. – Ладно, давайте по последней накатим, да я пойду.

Выпив, Коробейник грузно поднялся из-за стола и, достав из кармана автомобильные ключи с золотым брелоком, загородил собой дверной проем.

– Эдик... еще раз прости, что так вышло. Как мужик мужика – а?

– Ты, что ли, налево никогда не ходил? – удачно воткнула вопрос супруга; присутствие влиятельного любовника явно придало ей смелости. – Ходил, еще как ходил... И я даже знаю, к кому. И весь горотдел об этом знал. И даже прокуратура. А из меня... овцу глупую сделал. Ты, что ли, передо мной такой чистенький?

– Кстати, позвони мне сегодня вечером. Встретимся, побеседуем, – неожиданно предложил подполковник милиции.

– О чем мне с тобой беседовать? – лающим голосом спросил Голенков.

– Обо всем. О жизни. О судьбе. О твоём будущем. Тебе ведь как-то надо в этом городе жить, правда?

– Помочь, что ли, хочешь? – скривился Эдик недоверчиво.

– А почему бы и нет? Ведь мы когда-то с тобой даже дружили. К тому же у меня возник явный комплекс вины. Осознал, каюсь, готов искупить. К кому тебе в этом городе еще обратиться? У тебя-то всех связей теперь – узлы на шнурках... Ну все, успехов! – бросил начальник ОБЭПа и, не прощаясь, двинулся в прихожую.

Спустя несколько минут низкий рокот автомобильного двигателя под окнами возвестил, что Коробейник отчалил на своем дивном джипе. Эдик обессиленно откинулся на спинку стула и убито взглянул на супругу.

– Так ты, оказывается, блядь, – с отрешенной печалью констатировал он.

– Да какая же я блядь? – возразила Наташа. – Просто жизнь у меня не сложилась.

– Что ты нашла в этом жирном борове? Садун у него длиннее? Или слаже?

Жена виновато потупила взор.

– Извини, так получилось, – ласково сказала она и дважды мигнула красными веками. – Случайность. Честное слово, мне очень-очень стыдно. Давай обо всем забудем. Давай начнем жизнь с чистого листа. Хорошо?!

– Давно ты с ним? И вообще – у вас что, серьезно? – не унимался Голенков, разливая себе остатки спиртного.

– Я ведь не монашка. Мне что – презерватив на морковку натянуть и четыре года... туда-сюда? Знаешь, как тяжело без мужика?! – вздохнула Наташа и в приступе блядской откровенности выпалила: – Уж лучше со знакомым перепихнуться, чем с первым встречным.

– Чем это лучше?

– Трепак не подхватишь. А если подхватишь – будет кому предъявить. А вообще, Юрка по-своему прав. Не надо было с того уголовника деньги вымогать. Жили бы теперь как все нормальные лю...

Наташа не успела договорить – Голенков изо всей силы ударил кулаком по столу, и приборы отозвались жалобным звоном.

– Да не брал я с этого Жулика взятки! Понимаешь? Не брал! Подкинул он мне те меченые доллары! Сюда, на эту вот хату, и подкинул! Понимаешь? Подставил он меня... Шака-а-ал!..

* * *

До ареста, суда и зоны капитан Эдуард Голенков считался одним из самых талантливых оперативников местного ГУВД. Любые, даже самые безнадежные дела он раскрывал в рекордно короткие сроки и делал это безупречно.

«Уголовное дело – не смокинг, шьется за десять минут, – назидательно говорил он коллегам. – Главное, чтобы все концы для следствия и суда по бумагам сходились...»

Концы, как правило, сходились. Ведь Голенков по праву слыл самым выдающимся интриганом во всей городской милиции. Он был расчетлив, как международный гроссмейстер, и хладнокровен, как кобра. Юридический арсенал товарища капитана включал хитроумные подставы и незамысловатый шантаж, утонченные фальсификации и банальные пытки. Дела он вел продуманно, ловко и изощренно. Вопросы его были с капканами, ловушками и силками, с желанием затолкать ответчика в яму не грубыми пинками, а красиво и художественно, постепенно погружая его в муку и тьму.

Эдуарда Ивановича никогда не интересовало, виновен сидящий перед ним человек или нет. Фигуранты были для него не людьми, а материалом для производства уголовных дел. Уголовные дела следовало оформлять своевременно, чтобы не портить общегородскую статистику раскрываемости. Стопроцентная раскрываемость, в свою очередь, способствовала карьерному росту.

Такие таланты не могли остаться незамеченными. Начальство не просто любило Эдика, а души в нем не чаяло. Отчетность его всегда ставилась в пример другим сотрудникам, а по количеству благодарностей он стабильно удерживал первое место во всей криминальной милиции.

Фигуранты, как и положено, ненавидели этого гнусного мусорилу. Зачастую простое обещание «передать дело капитану Голенкову» заставляло признаваться даже тех, кто на этапе дознания уходил в глухой отказ. Ситуация усугублялась неестественной для правоохранителя честностью: по слухам, Эдуард Иванович совершенно не брал взятки. Его нельзя было ни умолить, ни разжалобить. С тем же успехом доски могли просить плотника, чтобы их не строгаи, не вбивали гвоздей и не швыряли оземь.

Правда, коллеги не слишком-то жаловали выскочку, которого им постоянно ставили в пример. Его редко приглашали на коллективные пьянки, с ним никто не хотел работать по одному и тому же делу, и даже просить у него займы «до зарплаты» считалось западло. К тому же Эдуард Иванович пользовался в ГУВД позорной репутацией интеллигента. В отличие от большинства горотделовских оперов, он почти не матерился, не употреблял коктейлей из водки и пива, регулярно чистил обувь и ежедневно менял носки.

Лишь майор Коробейник считался приятелем Эдика. Впрочем, в горотделе, где все отношения строились на пьянках, доносах и подсиживании, мало кто верил в искренность этой дружбы...

Больше всего на свете Голенкову нравилось ощущение всемогущества, которое давала служба. Ведь от его решений зависели судьбы многих людей. В монотонную оперативную работу он внес элементы художественности, психологизма и артистизма. Его зловещие

ухмылки и многозначительное молчание наводили на подозреваемых не меньший страх, чем пытки. Он мог карать и миловать. Но карать ему нравилось куда больше.

Эдуард Иванович действительно не брал взяток с тех, кого приходилось карать. Он ударными темпами ковал карьеру, надеясь с лихвой наверстать упущенное, когда выбьется в большие чины. Тем более все слагаемые для блестящего милицейского будущего были налицо: красный диплом Академии МВД, любовь начальства, интеллигентская репутация, стопроцентная раскрываемость...

С раскрываемости-то все и началось.

Однажды хмурым осенним утром, незадолго до Дня милиции, капитану Голенкову подкинули очередное дело. Дело было безнадежно глухим, и его требовалось закрыть до конца года, чтобы не портить статистику. В качестве потерпевшего выступал гражданин России Нгуен Ван Хюэ. В качестве объекта преступления – дешевая забегаловка «Сайгон», которую этот российский бизнесмен держал на городском рынке. Неизвестный злоумышленник выставил «Сайгон» подчистую, посягнув не только на кассу, но и на полкило золотых изделий, невесть почему оказавшихся в кабинете хозяина. Произошло это среди бела дня, во время обеденного перерыва. Сигнализация почему-то не сработала. Охранники рынка не заметили ничего подозрительного. Сторожевые собаки даже не тявкнули. Прибывшие оперативники не обнаружили никаких следов взлома. Визитер вообще не оставил абсолютно никаких зацепок... Все это косвенно указывало на то, что «Сайгон» выставил настоящий профессионал.

Голенков, знавший всех настоящих профессионалов этого города, сразу же заподозрил в преступлении Алексея Константиновича Сазонова. И братва, и менты были единодушны во мнении: Жулик – самый талантливый, самый расчетливый и самый хитроумный специалист по подобным делам. Блестящая догадка Эдика встретила полное понимание руководства. По большому счету, начальству было глубоко наплевать, на кого повесить базарную забегаловку. Ведь узкоглазый терпила не обещал сыскарям никаких премиальных за поимку вора... А вот профессиональный аферист Леха Сазонов давно уже встал поперек горла всему Угро. Посадить его было делом чести. И теперь такой повод наконец-то представился.

Капитан Голенков, как самый талантливый опер ГУВД, и удостоился высокой чести посадить профессионального афериста.

«Ты ведь сам понимаешь, что в средствах мы тебя не стесняем», – как бы между прочим сообщил начальник криминальной милиции, и Эдуард Иванович воспринял эти слова как руководство к действию.

На следующее после ограбления утро оперативно-следственная группа нагрянула к аферисту с обыском. Хозяин встретил гостей приветливо, без удивления и грусти. С чувством пожал руки милиционерам и понятым. Предложил визитерам домашние тапочки. После чего отправился на кухню, где сразу же встал у плиты. Леха был отличнейшим кулинаром. Его стряпня источала нежнейшие, вкуснейшие ароматы. Это был садизм высочайшего класса. Голодные, невыспавшиеся опера медленно сходили с ума. Они перевернули квартиру вверх дном, но, естественно, ничего не нашли. Да и о каком обыске могла идти речь? Едва закончив оперативно-розыскные действия, сыскари покинули квартиру в полном желудочном расстройстве.

И лишь капитан Голенков проявил недюжинное упорство. Опросив соседей, он с радостью выяснил: на момент ограбления Жулика дома не было. Эта информация, помноженная на «внутреннюю убежденность» правоохранителя, и стала главным аргументом для предъявления обвинения. На подозреваемого тут же были надеты наручники. Спустя полчаса Жулик переступил порог горотделовского кабинета.

Голенков сразу же избрал неверную тактику. Он взвешивал Жулика той же гирькой, что и всех остальных клиентов Угро. И потому предъявленное обвинение не отличалось тщательной проработкой деталей. Это был типичный мусорской наезд, грубый по форме и беспредметный

по содержанию. Однако задержанный проявил чудеса изворотливости. Он быстренько представил убойное алиби, затем очень грамотно уличил милиционера сразу в нескольких процессуальных нарушениях.

«Погоны жмут? Служба наскучила?» – с изяшной непринужденностью осведомился Сазонов, после чего с удовольствием процитировал двести девяносто девятую статью УК – «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности».

Стратегия, избранная Жуликом, выглядела безукоризненно. Ведь наступление – лучший вид обороны...

Естественно, Эдик не ожидал такого поворота событий. Большинство подозреваемых держались перед ним испуганно и заискивающе, а некоторые даже норовили бухнуться на колени. Голенков рассвирепел. Заказ начальства во что бы то ни стало «закрыть» Леху Сазонова выглядел теперь трудновыполнимым пожеланием. Все козыри были на руках Жулика. Карточный домик обвинений рассыпался в прах.

«Кодекс хорошо знаешь? – вызверился оперативник. – Умный слишком? Да только я умнее тебя. Не возьмешь на себя «Сайгон» – я тебя по сто тридцать первой закрою!.. По части «два». Это в наше время – раз плюнуть!..» – зловеще пообещал он.

Угроза выглядела более чем реальной. Обвинение в изнасиловании малолетки можно предъявить практически любому половозрелому мужчине, включая гомосеков и импотентов. При каждом горотделе существует несколько прикормленных алкашей-хронов, у которых есть несовершеннолетняя дочь. Типовое заявление обычно пишется безутешными алкашами под диктовку участкового. Стоит такая заява недорого – достаточно лишь туманного обещания «не привлекать» хронов по заявам соседей. Некоторые особо продвинутые сыщики даже организуют медицинское освидетельствование «потерпевшей». Шансов отбиться от фальсификаций практически нет: провинциальные суды твердо стоят на страже интересов несовершеннолетних блядей. К тому же обвиняемые по «мохнатке» пользуются у братвы самой незавидной репутацией...

Выслушав Голенкова, Жулик погрузился и сразу же выбросил белый флаг.

«Мне надо подумать, – примирительно сказал он. – Может, я что-то и вспомню... Дай мне три дня, начальник!..»

По тону, каким было высказано это обещание, опытный сыскарь понял: Сазонов обязательно возьмет на себя «Сайгон». А если удастся его дожать – то и еще какие-нибудь нераскрытые преступные эпизоды, коих в Угро только за последний год накопилось великое множество. Эдуард Иванович даже не стал окунать подозреваемого на ИВС – достаточно было банальной подписки о невыезде.

Это была роковая ошибка, о которой Эдуарду Ивановичу пришлось потом многократно жалеть.

Через два дня, поздно вечером, в квартиру Голенковых позвонили. Эдик, выпроводив жену с дочерью к теще, томился в ожидании любовницы и потому сразу же открыл дверь. И – остолбенел. На пороге стоял следователь городской прокуратуры. Позади его маячили не улыбочивые оперативники отдела собственной безопасности, люди суровые и безжалостные. А из-за спин визитеров скромно улыбался подследственный Сазонов...

«Пятнадцать минут назад этот гражданин передал вам взятку в размере тысячи долларов США, – казенным голосом объявил сотрудник прокуратуры, кивнув в сторону Жулика. – После чего сообщил нам об этом преступном эпизоде. По действующему законодательству лицо, сознавшееся в даче взятки, освобождается от уголовной ответственности. Вот постановление о производстве обыска в вашей квартире».

На какой-то момент Голенков утратил способность говорить. Последние три часа он безвылазно просидел дома, и никакого Сазонова, естественно, и в глаза не видел. Молча пробежал

глазами по постановлению. Растерянно кивнул понатым – соседям с первого этажа... Однако довольно быстро взял себя в руки.

«Да откуда же у меня такие деньги? – хмыкнул он, испепеляя Жулика взглядом. – Почти годовая зарплата оперативника...»

Обыск в квартире длился недолго: спустя двадцать минут за шкафом была обнаружена сложенная конвертом салфетка, из которой выпало десять стодолларовых купюр. Угрюмые опера из отдела собственной безопасности притащили портативный детектор. Экспресс-анализ дал совершенно неожиданный результат. В инфракрасных лучах детектора на всех десяти банкнотах проступала четкая надпись: «ГОРОДСКАЯ ПРОКУРАТУРА. ВЗЯТКА». Серии и номера на купюрах удивительным образом соответствовали тем, что стояли на «контрольках», полученных Жуликом в прокуратуре. Дактилоскопическая экспертиза однозначно определила, что отпечатки пальцев на салфетке принадлежат гр. Голенкову Э. И.

Было очевидно – получив меченые доллары пятнадцать минут назад, Леха Сазонов каким-то непостижимым способом проник в голенковскую квартиру, незаметно для хозяина зафиксировал на салфетке отпечатки его пальцев, после чего сунул салфетку с завернутыми в нее баксами за шкаф. Совершить подобное без шапки-невидимки и гипнотизерских способностей было нереально. Оставалось лишь догадываться, каким именно образом профессиональный аферист умудрился совершить столь невероятный трюк...

Если бы этим делом занималась только прокуратура или только УСБ, скандал можно было бы замять. Но прокуратура страшно боялось «гестапо», то есть оперов Управления собственной безопасности, а опера из собственной безопасности – прокуратуру. Купюры с надписью «ГОРОДСКАЯ ПРОКУРАТУРА. ВЗЯТКА» и стали главным вещдоком уголовного дела по обвинению гр. Голенкова Э. И. в преступлении, предусмотренном статьей 290, ч. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Обвинения против Алексея Сазонова, как и следовало ожидать, благополучно рассыпались...

Тогдашнее горотделовское начальство поспешило откреститься от ударника оперативно-розыскного труда. Голенков получил уничижающую характеристику: «морально неустойчив», «утратил доверие», «не пользуется уважением коллектива». Лучший друг, майор Коробейник, выступил на собрании с пламенной речью, в которой заклеил отщепенца позором.

И тут привычное хладнокровие изменило Эдуарду Ивановичу. Он обозлился и сразу погнал волну. Голенков написал в Генпрокуратуру, что начальница детского спецприемника-распределителя противоестественным образом развращает несовершеннолетних преступников. Сигнализировал в местную милицейскую газетку «Честь мундира» о пытках, процветающих в Уголовном розыске. Настучал в инспекцию по личному составу, что майор Коробейник подчистил оценки в университетском дипломе. Письма отличались протокольным стилем и ментовскими пожеланиями.

Результат был почти нулевым. Зато Голенков окончательно упал в глазах бывших коллег: для всей городской ментуры он стал той самой паршивой овцой, которую стадо с удовольствием сдает на раздербан волкам... Получив по приговору четыре с половиной года, Эдик окупился в мутные и тревожные воды исправительно-трудовой колонии для бывших сотрудников «органов».

Ментовская зона, куда он попал, была, как ни странно, «черной». Масть держали бывшие муровцы. За пахана канал полковник с Лубянки. В «шестерках» у него бегали амбалы-омоновцы. «Петушатник» был представлен осужденными сотрудниками Главного управления исполнения наказаний, следаками, гаишниками, прокурорами и судьями. Осужденных за коррупцию на «черной» зоне не жаловали. В «петушином углу» можно было прописаться за малейший «косяк». До Голенкова наконец дошло очевидное: теперь, лишенный теплого кабинета и неограниченной власти над людьми, он больше никакой не бог, не царь и не герой, а

тварь дрожащая, никаких прав не имеющая. Будучи человеком умным, он быстро понял: в подобных условиях следует быть податливым, как тростник на ветру... Простым «мужиком», серым и незаметным, Эдик безропотно оттянул свой срок от звонка до звонка.

Вернувшись домой, бывший опер оказался у разбитого корыта. Полное отсутствие каких бы то ни было перспектив, сблядовавшаяся жена, пожизненное клеймо взяточника...

Жизнь надо было начинать с полного нуля: добывать деньги, улаживать семейные проблемы, восстанавливать свое честное имя. Последний пункт жизненной программы был невозможен без разбирательства с Жуликом. Эдик жаждал реванша. Но никаких возможностей для этого у него не было...

Во всяком случае – пока.

* * *

Голенков проснулся от прикосновения к щеке чего-то мокрого и холодного. Открыв глаза, он увидел перед собой черную собачью морду в рыжих подпалинах. Пес, радостно покусывая, лизал его лицо. Несомненно, ротвейлер по кличке Мент уже признал бывшего оперативника своим...

Эдик лежал на кровати, заботливо укрытый клетчатым пледом. Приподнявшись на локте, он осмотрелся по сторонам. Часы на стене показывали семь вечера. Из приоткрытой двери кухни плыли сытные запахи жарки.

В голове с кинематографической скоростью пронеслись картины минувшего утра, и горькая волна унижения накрыла Эдуарда Ивановича с головой.

– Наташка! – сипло позвал он. – Ты... блядь проклятушая!.. А ну быстро ко мне!

Блядь проклятушая сразу же отозвалась на зов.

– Да, Эдичка, да, мой хороший... Сейчас покушаем, выпьем. Возвращение, значит, твое отпразднуем. Я для тебя котлетушек нажарила, курочку потушила, оливье накрошила, водочки охладила. А потом прогуляемся... Хорошо? – с видом побитой собаки запричитала она, осторожно присаживаясь на койку рядом с супругом.

– Что, сучка, не нагулялась еще? – хмыкнул Голенков и, поднявшись, с трудом удержался, чтобы не лягнуть Наташу ногой. Пошатываясь, прошел на кухню и, выпив воды из-под крана, нехорошо зыркнул на жену: – Танька где? У этой... как там ее... бледной спирохеты?

– У Мандавошки, – заискивающе подсказала жена. – У Лидочки Ермошиной. Я ей только что звонила – никто трубку не берет. Загуляли, наверное...

– Что дочь, что жена, – засокрушался Эдик. – Не семья, а сплошной бардак. Вернулся, называется...

– Не сердись, Эдичка, – все так же виновато улыбнулась Наташа. – Ведь Танечка не знала, что ты вернешься именно сегодня. А ей почти восемнадцать. Попросила погулять – вот я ее и отпустила. Мы тебя только на следующей неделе ожидали.

– Вижу, как меня здесь ожидали. Особенно ты, – бывший зэк схватил с шипящей сковородки недожаренную котлету и, дуя на пальцы, сжевал ее в мгновение ока.

Молодой ротвейлер, выбежав на кухню, просительно взглянул Голенкову в глаза. Но, получив пинка под хвост, с обиженным визгом улетел в прихожую.

– Юра недавно звонил, – безо всякого перехода сообщила жена и, осознав, что допустила явную бестактность, опустила глаза.

– Ну? – Эдик побагровел, как запретительный сигнал светофора.

– Говорит, чтобы ты после восьми вечера подошел в азиатский ресторан «Золотой дракон». Очень хочет с тобой поговорить. То ли работу предложить, то ли еще что-то... Уже и столик заказал.

После этих слов Голенков понял, куда именно намылилась «прогуляться» его супруга. Ведь Наташа и в мыслях допустить не могла, чтобы халявное ресторанное удовольствие пронеслось мимо нее.

– Что еще имеешь мне сообщить?

– Юра сказал, что этот уголовник, который тебе доллары подбросил... Сазонов, кажется... Из тюрьмы сбежал.

– Да-а-а? – с искренним удивлением протянул бывший оперативник.

– Он где-то на Западе сидел. То ли в Голландии, то ли во Франции.

– И как это его туда занесло?

– Понятия не имею. На днях его должны были в Россию отправить. Так он не дождался и сбежал.

– Куда? Неужели в Россию? – не поверил Эдуард Иванович. – Он что – совсем идиот?

– А вот этого я не знаю. Юра говорит – в криминальную милицию какая-то очень важная бумага пришла. Аж из самого Интерпола. Остальное он сам в ресторане расскажет, – сказала Наташа и подобострастно взглянула супругу в глаза. – Ладно, Эдичка, не сердись. Давай посидим, выпьем... У нас еще почти час. А потом вместе в кабак – а?

Голенков ничего не ответил. Молча прошел в прихожую и, отшвырнув ногой пса, вышел из квартиры.

– Сбежал, значит... – пробормотал он, спускаясь по лестнице. – Это даже хорошо, что сбежал. Как бы так сделать, чтобы он здесь объявился?!

Глава 2

Стеклянная громада железнодорожного вокзала Монпарнас нависала над парижскими кварталами, словно айсберг над морем. По привокзальной площади хаотично сновала разномастная публика, суетились носильщики, парковались и отъезжали автомобили. И никому не было дела до усатого крепыша в сером плаще, стоявшего у главного входа в пассажирский терминал. Прозрачные двери плавно разъезжались, пропуская пассажиров, и усатый внимательно следил за всеми входящими и выходящими. Время от времени он доставал из кармана миниатюрный фотоальбомчик и листал его, сверяясь со снимками. Со всех фотографий на него смотрел один и тот же мужчина лет тридцати пяти: собранный, жесткий, исполненный нервной энергии. Худое лицо с резкими волевыми морщинами, энергичный поворот головы...

Полтора часа назад в криминальную полицию XIV муниципального округа Парижа поступила информация: в районе Пастеровского музея, примыкающего к Пляц Монпарнас, был замечен подозрительный тип, направлявшийся в сторону вокзала. Бармен, позвонивший в участок, заверил, что подозрительный немного смахивает на русского уголовника, сбежавшего из «Сантэ». И хотя сигнал доброго буржуа вполне мог оказаться ложным, информацию решили проверить. Полицейские детективы быстро рассредоточились в самых оживленных местах вокзала: в билетных кассах, у банкоматов, на платформах, на лестницах, в многочисленных бистро и в буфетах... И, естественно, у главного входа.

Усатый крепыш цепким взглядом ощупывал толпу, тщательно вычленяя из нее всех, кто хоть чуточку соответствовал полицейской ориентировке. Сыщик уже собирался сменить место дислокации, когда внимание его привлек странный субъект. Это был худощавый мужчина среднего роста, одетый в потертые джинсы, высокие шнурованные ботинки и старенькую хлопковую куртку. Плечи его тяжелил большой кожаный рюкзак. Мужчина был длинноволос и очкаст, напоминая то ли активиста «Гринписа», то ли странствующего антиглобалиста. Стоя у табло, он очень внимательно изучал расписание поездов.

Эта внимательность и насторожила многоопытного детектива. Вечно спешащим парижанам достаточно лишь беглого взгляда, чтобы почерпнуть нужную информацию. А длинноволосый очкарик вчитывался в расписание слишком уж основательно, словно хотел выучить его наизусть.

Осторожно приблизившись к странному типу, усатый встал к нему вполоборота и, достав из кармана фотоальбомчик, мельком взглянул на снимки. И сразу же просветлел: вне сомнения, это был тот самый русский, который на днях сбежал из «Сантэ». Длинные волосы (конечно же, накладные) и очки-велосипеды совершенно преобразили его, однако черты лица оставались неизменными.

Детектив понял: действовать следует спокойно и быстро, не привлекая к аресту нездорового внимания публики. Ладонь полицейского медленно поползла за борт пиджака, к подмышечной кобуре. Однако беглый арестант каким-то непостижимым образом ощутил надвигающуюся опасность. Отойдя от табло, он мазнул усатого нехорошим взглядом и, резко развернувшись, направился к стеклянным дверям пассажирского терминала. Створки автоматически разошлись, и беглец, переведя шаг в крупную рысь, двинулся к двери с надписью «WC».

Усатый, бесцеремонно расталкивая людей, преследовал его по пятам. Кожаный рюкзак на спине убежавшего служил отличнейшим ориентиром; его обладатель не мог незаметно смешаться с толпой. Намерение русского спрятаться в туалете вызвало у многоопытного сыщика ироничную улыбку. Туалет предусматривал только один вход и потому обещал стать надежной ловушкой.

Вбежав в сортир следом за Сазоновым, полицейский остановился. Беглец успел-таки заскочить в одну из многочисленных кабинок. Впрочем, определить, в какую именно, было несложно: высокий проем между кафельным полом и дверками позволял рассмотреть обувь мужчин, справлявших большую нужду. Детектив осторожно присел на корточки, делая вид, что завязывает шнурок. Приметные ботинки чернели в третьей кабинке слева от входа. Это предельно упрощало задачу. Следовало вызвать группу захвата и неотрывно следить за нужной дверью. Не век же русскому уголовнику сидеть на унитазе!

Связавшись с коллегами по рации, сыщик быстро обрисовал ситуацию. Группа захвата обещала прибыть через пять минут. Радуюсь небывалой удаче, усатый медленно отошел к сверкающим писсуарам. Взгляд его неотрывно буравил третью кабинку слева от входа. Носки черных ботинок в дверном проеме были заметны даже отсюда.

Подмога прибыла даже быстрее, чем ожидалась. Двое амбалов ворвались в сортир с нетерпением больных энурезом. Под легкими пиджаками угадывались кобуры с табельным оружием. Усатый беззвучно приложил палец к губам и взглядом указал на кабинку. Высокие шнурованные ботинки по-прежнему чернели на белоснежном кафеле пола.

Прошло пять минут, десять, пятнадцать... Из соседних кабинок то и дело выходили мужчины, уступая место следующим. Усатый детектив смотрел на обувь почти неотрывно, лишь боковым зрением фиксируя выходящих из соседних дверей: клошар с золотой цепью поверх грязной майки, пожилой рантье, почтенный пресвитерианский священник, фанат футбольного клуба «Пари Сен-Жермен», размалеванный в клубные цвета, словно попугай ара...

На двадцатой минуте терпение амбалов из группы захвата иссякло. Первый предположил, что у Сазонова, возможно, запор и что медики «Сантэ» сегодня же избавят его от этой неприятности. Второй, многозначительно проведя ладонью по подмышечной кобуре, посоветовал немедленно высадить дверь.

Усатый сразу же согласился – ему тоже не хотелось терять время, лицезрея ноги русского уголовника.

Первый амбал осторожно извлек из подмышечной кобуры пистолет и встал справа от кабинки. Второй, утвердив свой ствол в вытянутых руках, занял позицию строго по центру. При виде вооруженных людей публику у писсуаров моментально сдуло.

Усатый сыщик осторожно постучал в дверку:

– Же ву пре, мсье Сазонов!

Ответа не последовало.

– Мсье Сазонов! – напряг голос полицейский.

Мсье Сазонов никак не отреагировал на призыв.

Детектив рванул дверку на себя и тут же отскочил в сторону, опасаясь возможного выстрела. Амбалы из группы захвата с профессиональной быстротой направили в кабинку стволы...

И тут же опустили их, выругавшись.

На белоснежном кафеле перед унитазом чернели высокие шнурованные ботинки – те самые. В кабинке же никого не было. Скользнув взглядом по боковым перегородкам, полицейские сразу поняли, что проиграли.

Мсье Сазонов одурачил их с ошеломляющим изяществом. Зазоры между кафельным полом и боковыми стенками были достаточно высоки, чтобы без труда переползти в любую из соседних кабинок. Несомненно, беглец именно так и поступил. Закрывшись от преследователя, он быстро переобулся. Приметные шнурованные ботинки оставил перед дверью в качестве приманки. Дождался, когда освободится соседняя кабинка, после чего спокойно перелез в нее через зазор под боковой стенкой. Снял очки и накладные волосы, переделался и перегримировался, и уже в новом облике спокойно покинул сортир, оставив сторожей лицезреть свою обувь.

Стоя перед унитазом, усатый тупо смотрел на его глянцевую поверхность. Казалось, унитазный круг еще хранил тепло задницы беглеца... Сазонова же и след простыл. Только теперь полицейские наконец поняли, с каким изобретательным проходимцем свела их судьба. За последние двадцать минут из соседних кабинок выходили и клошар с золотой цепью поверх грязной майки, и неприметный с виду рантье, и пресвитерианский священник, и разукрашенный в клубные цвета фанат футбольного клуба «Пари Сен-Жермен»...

Сазонов мог покинуть сортир в облике любого из этих людей. Судя по всему, он прекрасно владел искусством грима и перевоплощения: ведь даже проницательный детектив не сразу признал в недавнем длинноволосом очкарике беглеца из «Сантэ»! Да и предусмотрительности Жулику было не занимать: в кожаном рюкзаке наверняка лежали и набор для грима, и одежда для перевоплощения.

Растворившись в вокзальной толчее, Сазонов, скорее всего, сел на один из многочисленных поездов, отходящих с Монпарнаса в южном направлении.

И оставалось лишь догадываться – где, когда и при каких обстоятельствах этот хитроумный аферист засветится вновь.

* * *

Вот уже битый час Эдуард Иванович слонялся по улицам родного города, явно не зная, куда податься. Вспоминая об утренней сцене, он беззвучно кривился, словно от зубной боли. На губах его пузырились самые страшные ругательства. В этот момент Голенков ненавидел всех и вся: распутную жену, бывшего друга Коробейника, оказавшегося подонком, свою несложившуюся ментовскую судьбу...

Но больше всего – Алексея Сазонова, ставшего первопричиной всех его бед.

Теперь предстояло решить, что делать дальше. Никаких определенных планов на вечер у Эдика не было. Конечно, можно было принять приглашение Коробейника и отправиться в кабак. Тем более что Юра был абсолютно прав: теперь, после возвращения с зоны, у бывшего мента не было абсолютно никаких перспектив. А ведь подполковник ОБЭПа действительно мог ему помочь. К тому же он располагал какой-то любопытной информацией о Жулике...

Но просить этого жирного борова о помощи было бы унижительно: перед глазами обманутого мужа до сих пор маячило волосатое седалище Коробейника, равномернодвигающееся между раздвинутыми ногами Наташи.

– Суки поганые!.. – прошипел Эдик и, в сердцах пнув ногой гулкую жестяную мусорку, побрел в сторону знакомой «Рюмочной».

Хотелось выпить... .

Он шел по тихой пустынной улице. Солнце клонилось к закату. Пирамидальные тополя отбрасывали на асфальт приятные равномерные тени, и тени эти беспокойными пятнами шевелились под ногами.

Поравнявшись со знакомым детским садиком, Голенков печально взглянул на песочницы и качели. Когда-то, в далекой курсантской юности, он водил сюда маленькую дочь, и Таня, целуя отца на прощание, трогательно спрашивала: «А кто меня сегодня заберет – ты или мама?»

Это сентиментальное воспоминание окончательно прибило бывшего оперативника.

– А ведь все могло быть как у людей... Если бы не Сазонов!.. – с ненавистью прошептал Эдик и, прикуриив, двинулся в сторону «Рюмочной».

Неожиданно его внимание привлекла забавная уличная сценка. Невысокая коротко стриженная брюнетка тянула за руку мальчугана лет пяти-шести. Мальчик явно не мог быть ее сыном – ведь сама девушка выглядела не старше шестнадцати... Видимо, это были брат и

сестра. Ребенок рыдал, вырывался и отчаянно тянул спутницу к торговой палатке, стоявшей чуть поодаль.

– Лидка, ну купи покемо-она... Хоцю покемо-она! – клянчил ребенок.

– Вот придем домой, тебе дед, бля, покажет покемона! – развязной скороговоркой отбивалась Лидка. – Он те такого, нах, покемона покажет...

– Если ты мне сейчас не купиш покемона, я деду лассказу, что ты у дяди Гены пи-иску в подъезде целовала! – твердо пообещал ребенок.

Пожилая толстая тетенька, шедшая с внучкой чуть поодаль, остановилась как вкопанная.

– Батюшки... Вот современная молодежь-то пошла! – прошептала она и, подхватив девочку, развернулась в обратную сторону.

– ...а еще я деду лассказу, как вы с дядей Васей и с дядей Ахмедом... – мстительно продолжил маленький шантажист, однако не успел завершить угрозу: ладонь сестры моментально прикрыла ему рот.

От нечего делать Голенков подошел к скандальной парочке. Только теперь он рассмотрел, что малолетка где-то на пятом-шестом месяце беременности: необычайно широкий сарафан скрывал выпуклость ее живота. Впрочем, беременность не лишала ее очарования молодости: нежная матовая кожа, упругая грудь, приятные, хотя и мелкие, черты лица... Особо обращал на себя внимание необычайно сексапильный рот. От одного только взгляда на пухлые губы барышни у недавнего зэка шевельнулось в штанах.

– Девушка, это, конечно, не мое дело, но я бы на вашем месте все-таки купил бы мальчику покемона, – издевательски посоветовал Эдик.

Девушка отреагировала мгновенно.

– Слышь, мудило, хлебало заткни, да?! – душевно посоветовала будущая мать, принимая независимую позу. – Че вылупился? Крути педали...

– Клути педали, пока не дали! – спрятавшись за спину сестры, напутствовал мальчик.

Скандалить с безбашенной малолеткой было себе дороже. Криво ухмыльнувшись, Голенков продолжил движение к «Рюмочной». Девушка Лида, переругиваясь с мальчиком развязным матерком, шла чуть поодаль. Уже заходя в питейное заведение, Эдуард Иванович почему-то вспомнил: а ведь Танькину подругу с антисанитарной кличкой Мандавошка тоже вроде бы звали Лидой...

От одной только мысли, что единственная дочь может пойти такой же скользкой дорожкой, ему стало не по себе.

Спустя минуту Эдуард Иванович стоял за грязным столиком, с пластиковым стаканом в правой руке и с бутербродом – в левой. Он задумчиво цедил дешевую вонючую водку, прикидывая, как жить дальше.

Мысли шли огромными, правильно закругленными траекториями – точно спутники вокруг солнца. И всякий раз, описав полный круг, мысли возвращались в исходное положение – к человеку, который стал виновником жизненной катастрофы.

– Жулик... – ненавидяще цедил бывший опер. – Жулик... А все из-за тебя... поганка дешевая!.. Коз-зел недоношенный!.. Су-у-ука!..

Леха Сазонов окончательно превратился для Голенкова в персонифицированное воплощение зла. Он давно уже позабыл, как собирался повесить на Леху подставную статью за «мохнатку». Теперь Эдик был согласен заплатить любую, пусть даже самую дорогую цену, только бы отомстить врагу номер один.

Он заметно расслабился лишь после четвертой дозы допинга. Механически взглянул в запотевшее окно и, заметив знакомый черный джип «Линкольн Навигатор» напротив входа, даже не удивился. В последнее время он вообще разучился чему-либо удивляться...

– Эдик? Привет! – Войдя в «Рюмочную», Юра Коробейник брезгливо покосился на грязный столик, уставленный мятыми пластиковыми стаканками. – А я тебя обыскался. Чего ты

тут делаешь? Я тебя, понимаешь, в «Золотом драконе» жду, а ты в этом вертепе самопальную водяру сам с собой трескаешь! Хватит бухать, поехали!

Даже беглого взгляда на подполковника милиции было достаточно, чтобы определить среднюю степень алкогольного опьянения.

– М-м-м... – невнятно промычал Эдик.

Схватив собеседника под руку, начальник ОБЭПа с силой увлек его к двери.

– За Наташку обижаешься, да? Не обижайся, – горячо увещевал Юра, подталкивая Эдика к выходу. – Считаю, я уже реабилитировался. У меня к тебе классное деловое предложение. Думаю, не откажешься. Тебе же надо тут как-то жить? Давай на выход... Осторожно, ступеньки.

Оказавшись на воздухе, Голенков почувствовал легкое головокружение.

– М-м-м... – боднув лбом воздух, он отрицательно покачал головой.

– Да ладно тебе, не менжуйся. Посидим в кабаке, как старые друзья, по рюмцу накатим. О делах побеседуем. А потом ко мне. Я-то теперь один, бабу свою за бугор отправил... По дороге наснимаем каких-нибудь девчонок без предрассудков. В мою тачку любая запрыгнет. Ты трахаться... не разучился еще?

Ответ был циничен, лаконичен и преувеличен.

Коробейник неожиданно развеселился:

– Ну, вот видишь?! Человек, вернувшийся из мест лишения свободы, имеет право на половую жизнь. О лагере телкам расскажешь, о блатной романтике, о ментах поганых, о «балдохе» за «решкой»... Бабы это любят.

Голенков уже раскрыл рот, чтобы окончательно отказаться. Но в самый последний момент он вспомнил, что Коробейнику нечто известно о Лехе Сазонове, сбежавшем из буржуйской тюрьмы. И потому, преодолевая отвращение к бывшему своему сослуживцу и теперешнему любовнику жены, Эдик все-таки согласился ехать в кабак.

Ненависть к Жулику была столь сильна и всепоглощающа, что Голенков даже не задал себе простенького вопроса: а с какой это стати хахаль Наташи вдруг принимает столь горячее участие в его судьбе?

Глава 3

Скоростной экспресс «Париж – Марсель» шел точно по расписанию. За окнами пронеслись аккуратные домики, окруженные цветниками фермы, ухоженные виноградники.

Последний вагон привлекал всеобщее внимание еще на вокзале Монпарнас. Оттуда то и дело доносилось нестройное хоровое пение, звон бутылок и темпераментные восклицания. Огромные сине-красные флаги, развевавшиеся из открытых окон, полностью проясняли ситуацию: в этом вагоне ехали болельщики-«ультрас» популярного футбольного клуба «Пари Сен-Жермен». Болельщики направлялись в Марсель, на встречу с заклятыми врагами из местного «Олимпика».

Во избежание эксцессов фанатов сопровождали полицейские. Видимо, правоохранители тоже симпатизировали парижскому клубу и потому снисходительно наблюдали за выходками «ультрас». От самой столицы болельщики лошадиными дозами хлестали вино и пиво, призывно дудели в жестяные трубы, гремели трещотками и репетировали клубные речевки: хвалебные для любимцев и оскорбительные для соперников.

Невысокий худощавый мужчина, сидевший у окна, ничем не отличался от пассажиров фанатского вагона. Футболка «Пари Сен-Жермен» с надписью «Ronaldinho», размалеванное в клубные цвета лицо, сине-красный шарфик на шее... В отличие от братьев по разуму, этот фэн не упражнялся в патриотических кричалках. На вопросы товарищей он лишь что-то невнятно хрипел, указывая на замотанное шарфиком горло – мол, голос сорвал, говорить не могу. Снисходительно поглядывая на полицейских, худощавый шелестел свежим номером «Пари Суар». Когда экспресс миновал Орлеан, он откинулся на подголовник и безмятежно заснул...

Ни пассажиры-фанаты, ни сопровождающие их полицейские, ни даже детективы криминальной полиции и представить себе не могли, что худощавый «ультрас» с густо размалеванным лицом и есть тот самый русский уголовник Сазонов, чей побег из «Сантэ» наделал в Париже так много шума. Впрочем, личностью этого фэна никто и не интересовался: с наступлением темноты отяжелевшие от спиртного болельщики наконец-то затихли. Полицейские с облегчением потянулись в соседний вагон.

Приоткрыв глаза, Жулик внимательно осмотрелся и прошел в тамбур. Щелчком выбил из пачки сигарету и, закурив, чему-то заулыбался.

Вот уже пятый день Леха был на свободе. Воскрешая в памяти события минувших дней, он в который уже раз убеждался в безупречности своего плана...

...Спустившись по пожарной лестнице на площадь Ля Сантэ, Сазонов сразу же нырнул в метро. Меньше чем через час он вышел на противоположном конце города. Всех активов у беглеца была лишь мягкая бумажка в пятьдесят евро, которой его накануне побега снабдил сокамерник Сережа Вишневский. Прожить на такие деньги в Париже даже сутки не представлялось возможным. А ведь Лехе следовало как можно быстрее покинуть пределы Франции.

Перспективы выглядели более чем безрадостно. Чужая страна, отсутствие документов и денег, несовершенный французский... Да и криминальная полиция наверняка не бездействовала! Оставалось лишь два пути: или встать на ближайшем углу и клянуть на манер Кисы Воробьянинова «Же не манж па сис жур... Подайте что-нибудь бывшему зэку «Сантэ»!..», или завербоваться в Иностраннный легион. Вербовочный пункт навсегда отсекал уголовное преследование. При заполнении контракта можно было назвать любое имя, а по его окончании – получить счет в банке и чистый французский паспорт.

Естественно, профессионального афериста не прельщала ни сумма нищего, ни камуфляж наемника. Тем более что сценарий дальнейших действий выкристаллизовался в его голове еще до побега...

На следующее утро Сазонов отправился в магазин секонд-хенда, где купил хоть и ношенный, но весьма солидный костюм, а также сорочку и галстук. Посетил салон театральных принадлежностей, где разжился париком и набором профессионального грима. В уличном бистро отловил несколько жирных тараканов, в туалете этого же бистро переоделся и тщательно загримировался. После чего отправился в район Елисейских Полей, славный изысканными ресторанами для богатых гурманов.

Завтрак, заказанный недавним узником «Сантэ», был утончен и продуман, а потому тянул не менее чем на четыре сотни. Естественно, этой суммы у Жулика не было: в кармане брэнчало лишь несколько монет по одному евро. Впрочем, он и не собирался платить...

Перед третьей переменной блюд Сазонов внезапно изменился в лице, подозвал гарсона и брезгливо указал взглядом на тарелку. Из надкушенного бисквита шевелились тараканы усики...

Гарсон мгновенно потерял дар речи. Разгневанный клиент громогласно потребовал хозяйина, который незамедлительно явился на зов. Ресторатор долго рассыпался в извинениях, однако посетитель и слушать его не захотел. Он кричал, что ноги его больше не будет в этой антисанитарной забегаловке и что о насекомом он обязательно заявит в полицию и в газеты. (Леха тщательно отрепетировал произношение этих угроз и потому проговорил их почти без акцента.) Скандал назревал нешуточный: публика за соседними столиками всполошилась донельзя, и многие даже отказались от бисквитов. Демонстрация благородного негодования немедленно возымела действие. Насмерть перепуганный хозяин едва ли не силой всучил разъяренному клиенту пятьсот евро, только бы тот никуда не заявлял. Репутация заведения стоила куда больше этой суммы. Естественно, ни о какой плате по счету не могло быть и речи...

В районе Больших Бульваров великое множество кафе-шантанов, кондитерских и ресторанов, и все они страшно дорожат своим реноме. Спустя три дня бывший арестант ощущал себя богатым, как владелец нефтяной скважины, и свободным, как горный орел. Конечно, Сазонов мог еще долго продолжать экскурсии по парижскому общепиту, совмещая приятное с полезным. Однако риск засыпаться был слишком велик. Да и по дому Леха очень соскучился.

Вернуться в Россию было реально только морским путем. Международный вагон и салон самолета отпадали по причине полного отсутствия у беглеца документов. План Жулика был прост: добраться до большого портового города и попытаться договориться с капитаном российского сухогруза, идущего в какой-нибудь черноморский порт. Суммы в тысячу евро, по мнению бывшего зэка, было достаточно, чтобы капитан не заинтересовался личностью пассажира.

Выбор пал на Марсель как на самый большой порт Франции. Конечно, добираться до родины «Марсельезы» можно было и в обычном гражданском костюме. Однако вероятность встречи с агентами криминальной полиции была слишком высокой. Именно потому накануне отъезда Сазонов и прикупил несколько комплектов «кишек». Особые надежды возлагались на маскарадный наряд футбольного «ультрас». Футболка с надписью «Ronaldinho», клубный шарфик и по-клоунски размалеванное лицо должны были стать для беглеца эдаким защитным скафандром. Ведь фанатская униформа начисто лишает человека индивидуальности – особенно в толпе точно таких же фанатов. Да и путешествие под охраной полиции сулило полную безопасность...

...Докурился, Жулик вернулся в купе. Лениво пролистал «Пари Суар». Обнаружив в криминальной хронике собственный портрет анфас и в профиль и цифры 50 000 под ним, беглец лишь саркастически хмыкнул.

До Марселя оставалось чуть более четырех часов.

* * *

Даже простое упоминание об Алексее Сазонове вызывало у окружающих самые противоречивые эмоции.

Менты, многократно «крутившие» Жулика, невольно поражались его незаурядному интеллекту, богатой фантазии, природному артистизму и несокрушимой логике. Ему приписывались самые громкие и загадочные ограбления, самые хитроумные и блестящие аферы. В большинстве случаев Уголовный розыск не ошибался в своих подозрениях... Однако попытки доказать авторство преступлений нередко заканчивались позорной капитуляцией оперов. Изворотливый проходимец с легкостью ускользал из безжалостных лап правосудия, всякий раз предоставляя железную версию абсолютной своей невиновности. В одних случаях Жулика спасало отличное знание оперативно-следственных методов. В других – холодный и дальновидный расчет. В третьих – умение тонко сыграть на человеческих слабостях и пороках. В четвертых – способность повести следствие по ложному пути, да еще так, чтобы выставить мусоров злостными нарушителями всех существующих законов...

Леха был настоящим бичом и ужасом правоохранительных органов своего города. Извещение об очередном преступном эпизоде с его участием нагоняло тоску даже на заматеревших прокуроров. А уж о дознавателях, следователях и операх даже говорить было нечего – капитан Голенков стал далеко не единственным, кому хитроумный фигурант поломал карьеру... Впрочем, Эдуард Иванович еще дешево отделался: одного особо злостного мусорилу Жулик даже довел до инфаркта. Отправляясь на допросы Сазонова, милиционеры нередко запасались валерьянкой и корвалолом. Однако это помогало далеко не всегда: несчастные менты хватались за сердце, скрежетали зубами, а некоторые даже заходились в неврастеническом хохоте. Алексей Константинович Сазонов выходил пред лицом Уголовного кодекса чище, чем поцелуй младенца.

– Это не человек, а какой-то змей! – не без уважения сокрушались правоохранители. – Такой же скользкий, изворотливый... и умный!

Братва, знавшая Леху и по воле, и по неволе, совершенно не разделяла мнения поганых ментов. В их представлении Жулик был эдаким роскошным цветком воровской профессии, способным кинуть кого угодно. По тюрьмам, пересылкам и зонам ходили легенды о железной выдержке, небывалом фарте и незаурядном интеллекте этого афериста. Живая арестантская молва приписывала ему самые невероятные подвиги, и рассказы об этих подвигах нередко соответствовали действительности... Аферы Жулика носили печать эlegantной изобретательности, соединенной с удивительным знанием человеческих пороков. Аристократ преступного мира, Леха не любил стандартных решений. Его оружием были не «перо» и «волына», а живой ум, тонкий расчет и безмерное личное обаяние. Сазонову не раз приходилось брать на себя самые разнообразные роли, начиная от бомжа и заканчивая министром, и он исполнял их с искусством, которому позавидовал бы любой актер. По большому счету терпилы сами были виноваты в своих несчастьях – ведь Жулик обычно играл на человеческой жадности, трусости, подлости, чванстве и обыкновенном неумении думать.

Несмотря на искреннее уважение блатных, Сазонов никогда не причислял себя к этой масти. Это был аферист, гуляющий сам по себе. Он не украшал свое тело татуировками, не глотал чифирь, искренне презирал наркотики и даже зоновской феней пользовался лишь в меру профессиональной необходимости. Жулик терпеть не мог насилия, прибегая к нему лишь в случаях необходимой самозащиты. Слова «наезжать», «гопстопить» и «кошмарить» звучали в устах афериста дезавуирующими ругательствами. Человек, отличающийся масштабностью замыслов и остротой ума, никогда не сузит горизонты мысли до нескольких десятков лагерных понятий.

Леха шел по жизни играючи, и фарт не оставлял его. Он был ироничен, уверен в себе, ровен со всеми и абсолютно нежаден. Деньги никогда не являлись для него самоцелью. Случалось, что по необъяснимому сиюминутному капризу он отдавал всю свою долю или в общак, или какому-нибудь остро нуждающемуся бродяге и никогда больше об этом не вспоминал. Подчас казалось, что Сазонов интересуется не деньгами как конечным результатом блестяще проведенной аферы, а лишь художественной завершенностью «разводки лоха».

– В любой афере главное – красота! – поучал Леха. – Красота аферы спасает мир, а деньги губят... Явить красоту там, где ее нету, – искусство, а не афера.

И братва, всегда ценившая незаурядный ум и широкие жесты, искренне восхищалась Жуликом.

– Аферисты типа Лехи рождаются раз в сто лет! – уважительно говорили пацаны. – А может, и в тысячу.

Казалось, у Сазонова вообще не было слабостей. Не считая красивых баб...

Любвеобильная натура Жулика не делала никаких исключений для красавиц. Он страстно обожал блондинок и был без ума от брюнеток. Превозносил худеньких и боготворил полненьких. Покровительствовал стеснительным девственницам и не чурался опытных дам...

Этот галантный кавалер обладал удивительным даром обольщать любую понравившуюся ему женщину. Реестр Лехиных побед впечатлял: здесь были и жены прокуроров, и дочери банкиров, и племянницы губернаторов, и даже внучка заместителя министра внутренних дел. Каждая красавица наивно полагала, что она – одна-единственная у этого остроумного, обходительного и донельзя обаятельного джентльмена (естественно, Жулик никогда не посвящал красавиц в секреты своего ремесла). Иногда Сазонов виртуозно использовал общественное положение мужей, братьев, отцов, дядей и дедушек многочисленных любовниц, но нередко эти же любовницы по дурости, ревности или болтливости «запаливали» Жулика.

И всякий раз, обеспокоенные долгим молчанием кавалера, красавицы в один голос вздыхали:

– Ах, Леха-Леха, мне без тебя так плохо!..

Единственной женщиной, к которой Жулик всегда возвращался, была его мать. Старенькая Александра Федоровна, безвыездно жившая в небольшом городе Нечерноземья, видела сына нечасто. И тем радостней были их встречи...

* * *

Тараня плоским лбом плотный прозрачный воздух, экспресс «Париж – Марсель» медленно подъезжал к пустынной утренней платформе. Мягко лязгнуло железо буферов, длинно и грустно запищала гидравлика, и поезд остановился. Двери вагонов автоматически разошлись, и пассажиры посыпали наружу. От размалеванных фанатов «Пари Сен-Жермен» добрые буржуа старались держаться подальше: буйство нравов и необузданность поступков футбольных «ультрас» известны не только во Франции.

Жулик покинул фанатский вагон одним из последних. Мельком взглянул на перрон и, заметив полицейский патруль, на всякий случай прикрыл нижнюю часть лица клубным шарфиком. Смешавшись с толпой похмельных «ультрас», Леха прошел в здание вокзала. И сразу же юркнул за дверь с надписью «WC».

Спустя минут двадцать из туалета вышел весьма импозантный джентльмен: элегантный летний костюм от «Армани», скрипящие туфли паленой кожи, широкополая шляпа, плащ на левой руке и портфель крокодиловой кожи – в правой... Брезгливо взглянув на сине-красную толпу фэнов, он неторопливо направился к стоянке такси. Уселся в машину и попросил отвезти себя в отель.

К счастью, во Франции не требуются документы для заселения в гостиницу. Беглый экз безо всяких проблем поселился в уютном отельчике на окраине Марселя. Принял с дороги душ, отдохнул и с наступлением вечера выбрался к морю, подышать свежим бризом.

Медное солнце переваливалось за белесый срез облаков. Зеленоватые волны шлепали о скалы, рассыпаясь мельчайшей пылью. Жадные чайки пикировали и взмывали ввысь у самой воды с гортанными криками. Далеко, у самого горизонта, белел одинокий парус.

Сбежав с невысокого обрыва на пустынный пляж, Леха присел на нагретый за день камень и наконец-то расслабился. Теперь, когда главные неприятности вроде бы остались позади, ему не хотелось думать вообще ни о чем. В конце концов, добраться до дома – не самая большая проблема. Удрать из «Сантэ» было много сложнее...

Неожиданно из-за спины донеслись нетвердые шаги. Сазонов инстинктивно обернулся. На морском обрыве рельефно вырисовывался мужской силуэт. Мужчина откровенно и деловито мочился под пальму. Мелодичное журчание сливалось с шумом морского прибоя и шелестом листьев под теплым средиземноморским ветром. Физиологический процесс сопровождался невнятными ругательствами, и чуткий слух Жулика с удивлением различил русскую лексику.

– Ссал я на вашу Францию... – бубнил мужчина и, заметив нарядного джентльмена, демонстративно направил струю в его сторону. – И на тебя, французишка, тоже ссал. И ничего мне за это не будет.

Леха неторопливо поднялся на обрыв и заинтересованно взглянул на странного типа.

– Че вылутился, лягушатник? – осклабился тот с безнаказанностью человека, уверенного, что «лягушатник» все равно его не поймет.

Встав в нескольких метрах от неизвестного, Сазонов взглянул на него в упор. Это был невысокий блондин, приблизительно одного с ним возраста и такой же стати. Физиономия его выглядела вполне заурядно, хотя, при желании, в ней можно было бы даже отыскать некоторое сходство с лицом самого Жулика. Единственной запоминающейся деталью была бородавка на подбородке. Блондин был одет по-курортному, но в то же время с претензией: безразмерные оранжевые бермуды, крикливая рубашка с попугаями и двухсотдолларовые солнцезащитные очки от «Гуччи».

Не надо было быть наркологом, чтобы определить: любитель мочеиспускаться на французскую землю и ее обитателей уже принял на грудь.

Сазонов смотрел на неизвестного пристально и не мигая. Видимо, в его взгляде было нечто такое, что заставило пьяного насторожиться.

– Парле франсе? – спросил тот и, глубокомысленно наморщив лоб, добавил: – Ду ю спик инглиш?

– Ширинку застегни, – поморщился Леха.

Мужчина мгновенно расцвел.

– Земеля?! – воскликнул он и, широко расставив руки, чтобы обнять земляка, двинулся навстречу. – Да откуда же ты тут взялся?!

– Ты что – следователь, чтобы мне такие вопросы задавать? – спросил Сазонов, вежливо отстраняясь.

– Ну да, следователь... А ты как узнал? – искренне удивился тот.

Признание ошарашило донельзя, однако недавний узник «Сантэ» и бровью не повел.

– А я вообще очень проникателен, – скромно ответил он.

– Слышь, земля! – с пьяной радостью затараторил следователь в оранжевых бермудах. – Как ты сюда попал? Прикинь, я уже целый месяц в этом Марселе страдаю! Ностальгия, бля! Долговременная служебная командировка. И за все время – ни одной русской рожи. Одни французы вокруг. Прикидываешь – даже выпить не с кем... Давай куда-нибудь сходим, посидим, бухнем хоть по-человечески!

– Я вообще-то не пью, – честно сообщил Леха.

Сазонов действительно выпивал нечасто, презирая алкоголизм как форму распущенного хамства. Однако при случае мог перепить любого...

– Да ладно тебе, не менжуйся, я тут рядом живу. – Схватив Жулика под руку, блондин потянул его в сторону двухэтажной гостиницы «Бельвю», белевшей из-за густой прибрежной зелени. – Там столики прямо на улице, пиво и водяра... Если у тебя денег нету... Да уж проставлюсь для земляка, так что не ссы!

– Ссышь пока ты, – справедливо напомнил Сазонов, раздумывая: принять приглашение или нет.

– Пошли, земля, а то я тебя по статье взъебу! – то ли в шутку, то ли всерьез пообещал следователь. – За сопротивление ответственному работнику Генпрокуратуры при исполнении...

– Какая галантная учтивость! – оценил приглашение Леха.

Ситуация была достаточно скользкой. Ведь этот тип, так некстати оказавшийся сотрудником российской Генпрокуратуры, мог приехать во Францию и по его душу...

И все-таки Жулик решил рискнуть и продолжить знакомство. Он понимал: пьяный следок теперь явно не в том состоянии, чтобы интересоваться личностью «земели».

Как показали дальнейшие события, этой нечаянной встрече было суждено сыграть роковую роль в судьбе не одного только Лехи Сазонова...

Глава 4

Ресторан «Золотой дракон» гудел, как прогулочный лайнер во время круиза. Разухабисто гремела музыка, по проходам неслышными тенями сновали официанты, из-за столиков то и дело доносились нетрезвые мужские восклицания и глупый женский смех. Хлопало шампанское, и пробки летели сквозь кольца табачного дыма.

Как ни был пьян Голенков, но он сразу определил: начальник ОБЭПа наверняка бывает здесь часто. Едва заметив Коробейника, старшая официантка метеором помчалась на кухню, а метрдотель почтительно повел уважаемого клиента и его спутника к лучшему столику у окна.

Недавний зэк скользнул настороженным взглядом по белоснежной скатерти. Посмотрел на хрустальную вазу со свежим букетом. Мельком пробежал иллюстрированное фотографией меню и, ужаснувшись ценам, решил заказать чего-нибудь попроще: овощной салатик и сто пятьдесят граммов водки. Еще по дороге в кабак Эдик твердо настроился платить за себя сам. Зачем добавлять к унижению обманутого супруга и позор нищеты?!

К столику рысцой подбежала официантка. Обманутый супруг и рта не успел раскрыть – начальник ОБЭПа сразу же сделал дорогуший заказ и, помножив его на два, вальяжно откинулся на спинку стула.

– Ладно, пока не напились, давай о делах. Догадываешься, для чего я тебя пригласил? Не догадываешься? Тогда задавай вопросы. Четко и внятно, как на оперативной планерке. Зачем ты, Юрий Васильевич, меня пригласил? И я тебе отвечу. Во-первых, мне действительно перед тобой неудобно. За Наташку. У нас с ней чисто случайная связь. Обычный животный инстинкт и никакого высокого чувства. Впредь попытаюсь эти инстинкты сдерживать. Во-вторых, не в моих правилах наживать себе врагов. Даже таких, как ты... В-третьих, я действительно хочу тебе помочь. И я реально могу это сделать. Ты знаешь, что такое служба в ментуре? По глазам вижу, что не знаешь. Ментура – это не служба, а бизнес. А ОБЭП – самый козырный бизнес во всем МВД... Знаешь, сколько в нашем городе богатеньких буратин? Тоже не знаешь? Это естественно. Тебе и не положено знать. А знаешь, что честный бизнес в России невозможен по определению? То-то. Экономическую статью можно повесить на каждого. Нумерация статьи будет зависеть лишь от фантазии и вдохновения моих подчиненных. А в тюрьму никому не хочется... Только не надо, не надо про «гестапо» впаривать. Если с умом себя повести – все будут довольны. В Собственной безопасности тоже живут по понятиям. А теперь поговорим о главном. То есть о твоём будущем...

Коробейник говорил долго и обстоятельно, перемежая монолог пыхтением и риторическими вопросами. Напомнил собеседнику о его блестящем милицейском прошлом. Мрачными красками живописал настоящее: полное отсутствие перспектив, запятнанная репутация и как следствие – невозможность устроиться на приличную работу... После чего неожиданно предложил такую работу: должность директора этого самого ресторана.

– А кому сам кабак принадлежит?

Коробейник тонко заулыбался.

– Твоему старому знакомому. Господину Нгуену Ван Хюэ... Помнишь «Сайгон»? Ну, точка для алкашей на Центральном рынке...

В голове Эдика вновь понеслась кривая карусель воспоминаний: загадочное ограбление рыночного гадюшника, проходимец Сазонов, которого начальство поручило оформить по этому делу, меченые доллары из прокуратуры, неизвестно как оказавшиеся в квартире...

Подоспевшая официантка уважительно сервировала на столике выпивку и закуску. Глядя на обилие блюд и разноцветье бутылочных этикеток, Голенков лихорадочно считал, в какую копеечку выльются ему эти посиделки.

Отогнав подавальщицу барственным жестом, милиционер продолжил:

– Пока ты сидел, узкоглазый коммерс страшно поднялся... Богат, как председатель Госкомимущества. При этом никому не платит. А это неправильно. Поднялся-то он не без моего ведома.

– Бандиты? – коротко предположил Эдик.

– Да какие в нашем городе бандиты?! Сейчас ведь не середина девяностых. Все более-менее серьезные люди давно сидят и выйдут, поверь, не скоро. Есть «правильные», они же блатные. Например – Дядя Ваня, «смотрящий» по городским рынкам, теневой хозяин охранной фирмы «Находка». Помнишь, наверное, такого деятеля... Недавно освобожден, но пока ведет себя тихо. Имеет свой кусок хлеба с маслом и не высовывается.

– Так что твой Нгуен? – напомнил бывший сыскарь.

– А вот что... В принципе он уже созрел, чтобы со мной делиться. Но сколько этот узкоглазый весит по-настоящему, мне неизвестно. Знаю одно – он куда богаче, чем хочет казаться. И богатеет наверняка не с этого кабака. Знать бы, откуда у него деньги... На днях случайно обмолвился – мол, в «Золотой дракон» нужен толковый человек, из местных. Наемным директором. Мне, в свою очередь, нужен надежный информатор в его окружении. Ну а тебе нужна работа. Так что стремления всех заинтересованных лиц совпадают.

– А ты не боишься? – Эдик твердо взглянул в глаза собеседника.

Коробейник искренне развеселился.

– Чего? Что ты пойдешь в УСБ или в прокуратуру и на меня стуканешь? Во-первых, если ты согласишься, стучать будет не в твоих интересах. Я – тот самый сук, на который тебе предлагается очень конкретно подсесть. А сук под собой не рубят. Во-вторых – тебе все равно никто не поверит. Кто ты теперь? Никто, и звать тебя никак... А тебе предлагается из грязи в князи... Так как насчет того, чтобы стать директором в «Золотом драконе»?

– Насосом работать? Бабло за ментовскую «крышу» с Нгуена качать?

– Насосом буду я, – веско опроверг правоохранитель. – А ты – простым информатором. Небесплатно, конечно.

– Я в ресторанном бизнесе не силен, – признался Эдик, кляня себя за уступчивость; он уже почти согласился принять заманчивое предложение.

– А это не главное. Ты – бывший оперативник, практический работник, отлично знаешь законы. Значит, представляешь, как их можно обойти. Человек с большим жизненным опытом... и лагерным сроком. Значит, в людях должен разбираться. А остальное... Ничего, научишься. Ментом ты тоже не сразу стал.

– А если я откажусь?

– Хозяин – барин. У тебя, наверное, есть другие варианты трудоустройства? – с высот состоявшейся судьбы парировал начальник ОБЭПа.

Эдик прикусил язык. Отказываться от столь роскошного предложения было действительно глупо.

– Так что – согласен?

– Согласен, – вздохнул бывший мент, комкая в душе остатки самолюбия.

– Вот и хорошо... – Постучав вилкой по бутылке, Юра позвал официантку. – Нгуен уже здесь?

– Еще нет, – подобострастно ответила та. – Обещал быть через полчаса. Он уже в курсе.

– Когда объявится – скажешь, – властно распорядился милиционер.

– Хорошо, Юрий Васильевич...

– Свободна. Да, чуть не забыл... – Достав из кармана пачку стодолларовых банкнот, Коробейник отслонявил десять хрустящих бумажек и протянул их Эдику. – Вот, возьми на первое время. Вернешь, когда раскрутишься.

Голенков уже раскрыл рот, чтобы с гордостью отказаться. Но, подняв глаза на собеседника, осекся. Сытое, покрасневшее лицо Коробейника выражало безграничную самоуве-

ренность. Было очевидно, что этот человек, привыкший к постоянной податливости окружающих и к своему крепкому кабаньему бегу по земле, даже в мыслях не допускает, что кто-то может сказать ему «нет».

– А теперь – давай гулять! – по-хозяйски распорядился милицейский подполковник и, гостеприимно наклонив бутылку к рюмкам, коротко бросил: – За нас!..

Эдик старался меньше пить и больше закусывать, чтобы не окосеть окончательно. На языке его давно пузырился вопрос, ради которого он, собственно, и согласился ехать в кабак. И хотя вопрос этот почти означал просьбу о помощи, недавнему зэку не из чего было выбирать.

– А что за бумага на Жулика из Интерпола пришла? – вкрадчиво спросил он.

– А-а-а, ты про этого артиста... – с набитым ртом отмахнулся Коробейник. – Опять из тюрьмы сбежал.

– Что значит «опять»? – Голенков не верил своим ушам.

– Долго рассказывать...

Эдик выстелил голос бархатом.

– Расскажи мне, пожалуйста, об этом уголовнике. Все, что тебе известно. Очень надо.

– Тебе как – все по порядку? Так это на целый вечер... Если не больше.

– Хотя бы в общих чертах.

Повествование подполковника милиции заняло минут двадцать и прозвучало предельно недостоверно, словно пересказ приключенческого фильма. Здесь было все: хитроумные «рывки» из лагерей и вагон-заков, элегантные мошенничества и блестящие ограбления, неудачные милицейские подставы и дерзновенный полет жульнической мысли... Последним местом заключения этого афериста стала неприступная парижская тюрьма «Сантэ», откуда заключенного и должны были экстрадировать в Россию. Однако Жулик умудрился сбежать даже оттуда, о чем российское отделение Интерпола и оповестило местное ГУВД соответствующей бумагой.

– Когда, говоришь, этого сучонка последний раз в нашем городе видели? – с нехорошим блеском в глазах уточнил Голенков.

Коробейник принялся загибать толстые белые пальцы.

– Три, четыре, пять... Где-то шесть месяцев назад. В октябре – ноябре прошлого года. Тогда же его и закрыли на строгач. А что?

– Да так, ничего...

– Отомстить хочешь? – едва заметно улыбнулся начальник ОБЭПа. – Поздно, батенька. Думаю, в России он не появится ни при каких обстоятельствах. Он что – совсем идиот за тягунским сроком возвращаться? Раньше надо было думать. Ты, кажется, в свое время Сазонова на «рупь-тридцать один» крутил?..

– По части «два» пункту «д», изнасилование заведомо несовершеннолетней... – механически отозвался Голенков.

– Нормальная глушняковая статья. Вот и надо было его конкретно грузить, а не под подписку выпускать!

Эдик понуро промолчал. Он и сам понимал, чего стоила ему та роковая ошибка.

Подошедшая официантка заискивающе взглянула в глаза Коробейника.

– Юрий Васильевич, Нгуен только что подъехал. Ждет в кабинете. Позвать?

– Нет. Я к нему сам схожу. – Грузно поднявшись, начальник ОБЭПа двинулся в сторону кухни. – Не грусти, Эдик. Мы скоро придем.

В отсутствие собутыльника Голенков принялся изучать ресторанный публику. Ничего любопытного он не рассмотрел: жующие рты, пьяные рожи, густое бутылочное мерцание на столах... Взгляд его метлой прошелся по залу и неожиданно зацепился за столик у самого входа.

За столиком сидели две молоденьких девушки. Первую Эдик узнал сразу же: это была та самая беременная малолетка, которая давеча отказала младшему брату в покупке покемона. Слева от беременной сидела рослая желто-смуглая блондинка с длинными распущенными волосами: ухоженная, стильная и кинематографически хорошенькая. Огромные очки придавали ей сходство со стрекозой. Склонив голову, девушка снисходительно слушала беременную спутницу.

Лицо бывшего сыскаря вытянулось от удивления. Челюсть лязгнула, кровь ударила в виски, ладони мгновенно вспотели. Медленно поднявшись, он судорожно схватился за скатерть. Тарелка, съехав на край стола, с жалобным звоном свалилась на пол.

В смуглой блондинке Эдик узнал свою единственную и горячо любимую дочь Таню, которую не видел четыре с половиной года...

Пошатываясь, Голенков двинулся по проходу между столиками. Подошел к дочери и, улыбнувшись, молвил с ласковой укоризной:

– Ну, здравствуй, дорогая Танечка... Так вот как ты меня ждешь!

Дочь не успела ни удивиться, ни даже ответить – беременная малолетка сразу же отреагировала агрессивной скороговоркой:

– Слышь, достоевский, ты меня уже натурально заколупал, бя! Второй раз тебя за сегодня вижу. Ты че, мусор? На слезку пробило? – Кивнув кому-то за соседним столиком, девица бросила развязно: – Цаца, объясни этому колдырю, чтобы к нам с Танюхой не приста-вал!..

Все произошло слишком неожиданно... Боковым зрением Эдик засек чью-то руку с бутылкой, внезапно вознесенную над его головой. Недавний арестант отличался завидной реакцией и инстинктивно отшатнулся в сторону.

Это спасло ему жизнь.

Бутыль, описав широкий полукруг, просвистела у его виска и врезалась в спинку стула. Стекланные осколки шрапнелью разлетелись над столиками. Развернувшись, Голенков попытался было вытащить нападавшего из-за стола. Но, получив слепящий тычок в солнечное сплетение, мгновенно перегнулся, как складной метр.

Что произошло дальше, Эдуард Иванович запомнил плохо. Зрение и слух фиксировали лишь разрозненные кадры.

Чей-то тяжелый ботинок, болезненно врезавшийся в его челюсть. Красный бобрик ковровой дорожки под разбитой щекой. Солоноватый вкус крови во рту. Трагический женский визг, электропилой прорезавший зал. Насмерть перепуганное лицо какого-то азиата – то ли китайца, то ли монгола. Сорванная с окна портьера. Чья-то бледная рожа, перекошенная от злости. Милицейская фуражка с высокой тульей. Серые казенные стены, желтый письменный стол, тонкий листок с надписью «Протокол» и незнакомый голос: «Гражданину Голенкову Эдуарду Ивановичу нанесено телесное повреждение в количестве двух нижних зубов...»

Последнее, что запечатлело угасающее сознание, был бас Коробейника.

– Девушки, отвезите господина директора домой. Когда оклемается – пусть сразу же мне позвонит, – будто сквозь ватную толщу различил бывший мент.

После этих слов Голенков сразу же провалился в черную, зияющую пустоту...

* * *

Полосатый тент уличного кафе, натянутый над пластиковыми столиками, раздувался под влажным средиземноморским ветром пиратским парусом. Потягивая холодное пиво, Леха Сазонов с интересом смотрел на нового знакомого, которого он волею случая зацепил на морском берегу.

Александр Точилин – а именно так звали этого человека – буквально очаровал Жулика своей небывалой умственной ограниченностью. Его мыслительные процессы отличались первозданной, животной простотой. Служебная поездка во Францию восхищала Точилина, во-первых, высокими командировочными, а во-вторых – возможностью тратить казенные деньги на проституток и кабаки. Он прилюдно ковырялся в носу, мял гениталии сквозь карманы брюк и один раз даже откровенно испортил воздух. Оставалось только догадываться, за какие такие заслуги это чмо получило классный чин «старший советник юстиции» и должность старшего следователя Генпрокуратуры по особо важным делам.

– Слышь, земля, а как ты тут оказался? Чем ты вообще по жизни занимаешься? – развязно поинтересовался Точилин и, подзвав гарсона, потребовал пива и водки.

– Всю жизнь на чужих делянках работаю, – с сочувствием к своей тяжелой доле вздохнул профессиональный аферист.

– Сезонным рабочим, что ли? На виноградниках у буржуев батрачишь? – В голосе старшего советника юстиции засквозило неприятное удивление: получалось, что общественный статус «земели» был куда ниже его собственного.

– Ну зачем же «рабочим»? Бери выше. Я по жизни упорный аграрий-мичуринец. А работаю я старшим менеджером по... по озеленению, – представился Жулик, не уточняя, впрочем, какую «зелень» имеет в виду: лужайки для гольфа или американские доллары.

– А где?

– Грамотные жнецы и пахари никогда не останутся без куска хлеба с маслом, – безмятежно улыбнулся Сазонов; в этот момент ему очень хотелось напомнить присказку про лохов, которых, как известно, не жнут и не сеют. – А вообще, Саша, ты задаешь слишком много вопросов. Я что – кинозвезда? Рост, вес и семейное положение тебя тоже интересуют?

– Менеджер, значит... – недоверчиво протянул Точилин и оценивающе уставился на собеседника.

Перед ним сидел импозантный, улыбчивый и очень уверенный в себе джентльмен. Элегантный летний костюм, модные плетеные туфли, изящные руки с тонкими ломкими пальцами... Сезонный рабочий явно не мог выглядеть подобным образом. А вот облику «старшего менеджера по озеленению» он вполне соответствовал.

– А ты, наверное, русской мафией здесь занимаешься? – с артистической наивностью предположил Леха.

– Почти. Незаконная утечка драгметаллов из России. Каждый день на улицу Каннобьер таскаюсь, в прокуратуру этого блядского департамента Буш-дю-Рон. Документы изучаю, которые лягушатники накопили. Французский-то, на свою голову, знаю. И так целый месяц... Прикидываешь? Лучше бы куда-нибудь на природу с негритьяками!.. А-а-а, зачем тебе все это надо? Давай лучше накатим! – вздохнул сотрудник Генпрокуратуры и утонул своим бородавчатым подбородком в пивном бокале.

У Жулика отлегло от сердца: стало быть, этот хмырь прибыл во Францию не по его душу.

– Слышь, менеджер... А вообще странно, что мы с тобой в этом Марселе встретились, – молвил Точилин чуточку подозрительно.

– Чего же тут странного? Марсель – не Париж и не Страсбург, русских тут сравнительно мало. Наоборот, было бы странно, если бы пути хотя бы двоих не пересеклись, – белозубо улыбнулся Сазонов и добавил многозначительно: – Даже если один из нас – старший следователь Генпрокуратуры, а другой – менеджер по озеленению...

– А грамотно, бля, излагаешь... Вот как раз за это мы сейчас и накатим! За встречу, значит... Наливай!

Гарсон уличного кафе не успевал менять пустые бокалы на полные. Глядя, как мсье в оранжевых бермудах наливается чудовищной смесью из водки и пива, работник марсельского общепита лишь удивленно пучил глаза: рецепт такого коктейля был ему незнаком.

– Азиаты, – перехватив осуждающий взгляд гарсона, оценил старший советник юстиции и вновь подлил себе в пиво водки. – Не понимают вкуса настоящих напитков.

«Ерш» провоцировал прокурорского следака на невероятную болтливость. Чем больше он пил, тем более откровенным становился. Это было неудивительно: во Франции он торчал уже больше месяца, и за все это время ни разу не встречал земляков. Пьяная потребность выговориться, помноженная на природное хвастовство, буквально переполняла Точилина. Собутельника можно было не опасаться: ведь «менеджер по озеленению» был человеком абсолютно случайным, а стало быть, не мог стукануть о пьянке начальству.

Леха оказался благодарным слушателем. Он уважительно кивал, удивительно точно и вовремя поддакивал и, подливая говорящему спиртного, осторожно выпытывал обо всех подробностях службы. Несколько раз даже тонко подольстил собутельнику: мол, как он завидует старшим следователям Генпрокуратуры по особо важным делам, их суровой романтической работе, полной интересных впечатлений и эффектной мужской полноценности!

С наступлением темноты старший советник юстиции был на грани полной невменяемости. К этому времени Жулик знал о нем практически все: биографию, наиболее значимые дела, друзей и недругов по работе, начальников и подчиненных...

И, конечно же, цель его пребывания в Марселе.

Почувствовав греющий душу интерес к своей особе, следователь Генпрокуратуры начисто забыл о тайне следствия и легкомысленно поведал первому встречному перипетии уголовного дела, которым теперь занимался. В повествовании фигурировали некое золото «вроде бы российского происхождения», банковские ячейки в «Лионском кредите» и полуторамиллионная вилла в Ницце, «купленная каким-то русским».

Профессиональный аферист слушал внимательно, стараясь не пропустить ни слова. И чем больше он слушал, тем больше поражался. О загадочном золоте «вроде бы российского происхождения» Жулик узнал еще от Сережи Вишневого, своего бывшего сокамерника по «Сантэ». Именно из-за неясности происхождения этого драгметалла Вишневский и получил пятилетний срок во Франции...

Но всего удивительней было другое: следователь Генпрокуратуры несколько раз упомянул родной городок Сазонова.

На побережье незаметно опустилась роскошная средиземноморская ночь. Огромные мохнатые звезды вспушились над пиниями и пальмами. На двухэтажном фасаде гостиницы «Бельвию» загорелись разноцветные гирлянды иллюминации. Внизу, под обрывом, тяжело вздыхало море.

Старший советник юстиции, вконец утративший чувство реальности, бормотал в режиме невыключенного, позабытого всеми магнитофона. Иногда Лехе казалось: еще одна доза «ерша» – и в голове собеседника щелкнет реле автостопа, навсегда погасив светоиндикаторы его пьяных глаз.

– Золото... Целых пять лет сюда возили!.. – бессвязно бормотал он. – Прикидываешь?.. Да так хитро... Но только то золото лучше руками не трогать... обжечься можно... я бы тебе показал... да нельзя... сам боюсь прикасаться...

– К сожалению, я еще слишком далек от проблем Российского комитета по драгметаллам, – с искренним сожалением признался профессиональный аферист.

И тут Сазонову пришла в голову одна замечательная идея. Идея эта выглядела до того просто и даже пошло, что сперва он и сам не поверил в реальность ее осуществления. Случайное знакомство неожиданно раскрывало заманчивые перспективы. Словно из тумана, выплывали контуры широкомасштабной многоходовой аферы...

– А почему бы и нет? – спросил Леха самого себя.

– Что – «нет»? – не понял Точилин.

– А почему бы нам не выпить? – с неотразимой улыбкой предложил Сазонов. – За дружбу следователей Генпрокуратуры и специалистов по озеленению!..

...К полуночи старший советник юстиции наконец-то уткнулся лбом в пластик стола. Жулик бережно взвалил его на себя и со всей осторожностью потащил в гостиницу «Бельвю», отстоящую от уличного кафе в каком-то десятке метров. Извинительно кивнув портье, Леха усадил пьяного в мягкое кресло холла. Мельком взглянул на стенд с ключами, темневший над головой портье. На стенде висел лишь один ключ, от номера «27». Это означало, что все постояльцы отеля уже спали в своих номерах.

Все, кроме одного...

* * *

Проснувшись наутро, Голенков долго пытался понять, где он находится. Картинка двоилась, троилась и даже четверилась в глазах, и Эдуарду Ивановичу стоило огромного труда поймать фокус.

Сознание возвращалось медленно и с трудом. Эдуард Иванович вспомнил, что вчера сидел в ресторане «Золотой дракон» с любовником собственной жены, беседуя о собственном же будущем. Что Коробейник потом ушел к Нгуену, хозяину кабака. Что сразу же после этого за дальним столиком нарисовалась дочь Таня в обществе какой-то отвязанной брюхатой девки. Потом была драка, ментовский «опорняк» и протокол. А затем все померкло...

Осмотревшись по сторонам, Эдик определил, что заночевал не у себя дома. Сквозняк пузырил грязный тюль на окне. На облезлой стене тикали ходики с подвязанной вместо гири рукоятью от унитаза слива. Там же висел огромный плакат «Тату», и это обстоятельство немного успокоило бывшего опера. Интерьер выглядел явно не по-милицейски. Стены «опорняков» обычно украшают плакаты с другими физиономиями.

Приподнявшись на локте, Эдуард Иванович болезненно застонал. Во рту было кисло и мерзко, будто бы он всю ночь сосал дверную ручку. Тонкую скорлупку черепа сотрясали враждебные вихри. На щеке ощущалось легкое вздутие. Проведя языком по десне, Голенков обнаружил, что у него недостает двух нижних зубов.

Неожиданно из-за двери донесся стук каблучков, и чей-то знакомый голос объявил:

– Слышь, Танька, малого в садик отведи, купи какой-нибудь жвачки, бухла и сюда подгребай. Вот тебе деньги... Можешь не спешить – твой папик еще часа четыре кочумарить будет.

Голенков долго и мучительно вспоминал, откуда ему знаком этот голос. И лишь когда в прихожей хлопнула входная дверь, он вспомнил: к Таньке (несомненно, его дочери) обращалась та самая беременная малолетка Лида, с которой, собственно, все в ресторане и началось.

Поднявшись, Эдуард Иванович критически осмотрел себя в зеркале. Оказывается, спал он в рубашке, пиджаке и носках. Брюки отсутствовали. Не было их ни у кровати, ни под кроватью, ни на стульях.

Резко скрипнула дверь, и Голенков обернулся. На пороге стоял жилистый дедок с впалыми висками и льдистыми голубыми глазками. Узловатые старческие руки сжимали детский пластмассовый автомат.

– Извините... – просипел гость, стыдясь своих казенных зоновских трусов.

– Ходят тут всякие... – безо всякого выражения оценил дедок; видимо, подобные сцены были для него не впервой.

Неожиданно из-за спины старика высунулась коротко стриженная девичья голова. Отодвинув странного дедушку в сторону, барышня вошла в комнату, хлопнув за собой дверь.

– Привет. Ну че, оклемался? Так ты, оказывается, Танькин папик? – спросила она и, не дождавшись ответа, протянула руку: – А я – Лидка...

Только теперь Голенков наконец-то вспомнил кличку этой девицы: Мандавошка. Вспомнил и давешнюю сцену у детского садика...

Плюхнувшись в кресло, будущая мать выпятила живот и, закурив, вопросительно взглянула на гостя.

– А почему ты мне сразу ничего не сказал?

– Где мои брюки? – простонал Эдик, стеснительно становясь к девушке вполоборота.

– Брюки я сняла. Ты их в кабаке кровью заляпал, Танька застирала, на балконе сушатся...

А пиджак с рубашкой я с тебя снимать постеснялась.

Осмыслить эту фразу не хватало сил.

– Ничего, пока без штанов походишь. Мы люди привыкшие. Вот, я тебе пива на опохмел принесла. – Достав из карманов безразмерного сарафана две бутылки «Балтики», хозяйка поставила их перед гостем. – Ты уж извини, что так все получилось. Ну, в «Золотом драконе». Посиди, Танька скоро придет.

– А почему она меня не дождалась?

– Ты же спал, вот она и не хотела тебя будить. Ладно, натреплетесь еще... Слышь, а ты че – натурально в ментуре работал? А потом сел, да? А за что?

– Начальство критиковал, – просипел Эдик, подумав.

– А это правда, что Нгуен берет тебя директором кабака? А можно будет к тебе в гости приходиться? А угощать меня будешь? – выстрелила Лида очередью вопросов.

Голенков хотел было сделать барышне замечание – мол, к старшим следует обращаться на «вы»... Но, взглянув ей в лицо, передумал. Воспитывать эту отвязанную девицу было столь же нелепо, как подвесить на стрелке барометра гирьку, чтобы она вела себя послушней...

...Эдик просидел в обществе Лиды почти три часа. Уже через минуту ему стало понятно, каких садов этот фрукт. Да и профессиональных навыков бывшего опера оказалось достаточно, чтобы исподволь выпытать всю ее подноготную.

В голове Лиды Ермошиной царил полный мрак, слабо разбавленный какой-то скабресной чушью. Она презирала абсолютно все: хорошие манеры, воспитанность, образование, работу, чтение книг и даже элементарную человеческую порядочность. Мужиков, впрочем, она в свои шестнадцать лет тоже презирала. Но обходиться без них не могла. Вот уже третий год единственным источником существования малолетки была базарная проституция. Однако сама Лида не видела в этом ничего предосудительного.

– Мужикам «разгружаться» надо, а мне – бабло. Я с шестого класса гуляю и всегда на косметику и колготки имею, – с подкупающей искренностью сообщила девушка и деловито рассказала, как делала школьные уроки в перерыве между «палками» и как почтенные отцы семейств, глядя на это, просто кончали.

– А... как же школа? – ужаснулся Голенков.

– Да ну ее в жопу! – лениво отмахнулась Ермошина. – Все, что мне от жизни надо, я и так умею.

– А папа с мамой?

– Мамку прошлой зимой грузовик переехал. Бухая была, – равнодушно сообщила Мандавошка. – А папка... Хрен его знает, где он теперь. Вернулся с зоны лет шесть назад, братика Димку забачал – и опять сел.

– А... старик с игрушечным автоматом... он кто?

– Мой дед. Полный придурок, бля. Когда-то вертухаем в лагере служил. Во время бунта на зоне по голове получил, вот его и комиссовали. Когда трезвый, так еще ничего. А когда пенсию получит и накатит, почему-то думает, что он опять зонковский вертухай. Садится у открытого окна с игрушечным автоматом и давай по прохожим хуярить: тра-та-та-та! Это, мол, зэки в побег намылились.

– М-да... – только и сумел вымолвить недавний арестант.

– Слышь... Ты за свою Таньку не переживай. Целка она еще, отвечаю в натуре, – успокоила Лида, словно угадывая ход мысли собеседника. – С мужиками не гуляет, хотя ей сто раз предлагали. Она ведь большой и светлой любви, бля, ждет. Я это точно знаю. Сама говорила. Танюха мне не только подруга, но и типа домработницы. Мне-то самой за домом смотреть некогда. Ну, малого из садика забрать, в квартире убрать, за покупками сходить, за бухим дедом присмотреть. Я ей за все это плачу. В месяц где-то полторы тыщи набегает. Нехило, да?

– А сама-то ты сколько зарабатываешь? – не удержался от вопроса бывший мент.

Ермошина наморщила лоб.

– Раньше, пока не обрюхатилась, по шесть-восемь тыщ в месяц имела. Я-то без сутика работаю, ни с кем не делюсь. А теперь... Кто на меня, пузатую, позарится? Знаешь, какая в нашем городе конкуренция? На блядохе по вечерам телок, как грязи! Только за счет «микрорфона» и выживаю.

– А что это?

– Ну, минет – лучше для мужчины нет! – глупо хихикнула Лида. – Триста рэ – и все дела.

Только теперь Голенков наконец-то сообразил, почему Лидино лицо такое белое и чистое. Несомненно, этому способствовала ежедневная белковая диета.

– А как родишь, тогда что?

– Тогда – полный голяк, – опечалилась маленькая проститутка. – Месяца четыре придется в завязке сидеть. Как говорится – ни капли в рот, ни сантиметра в жопу. Что мне – на фабрику идти, швеей-мотористкой? Тяжелее хера в руки не беру!

– Папа хоть кто?

– Ты этого имеешь в виду? – хмыкнула барышня, небрежно ткнув пальцем в свой упругий живот. – А хрен его знает! И с абортom, бля, как назло, опоздала. А он все растет и растет. Через три месяца рожать надо. Может, в роддоме ребенка оставлю, может, нет. Не знаю еще...

– Вот оно что... – медленно проговорил бывший опер. – А не боишься мужиков, с которыми трахаешься, под статью подвести?!

– Это которая по «мохнатке»? Да ты че, кто мне тут поверит?! Меня и участковый знает, и все базарные менты, и опера, которые по рынку слоняются... Да у меня и заяву не примут! А потом еще и мужики те... звездюлей навешают! Запросто.

Допив пиво, Голенков аккуратно поставил пустую бутылку под стол и цепко взглянул на собеседницу.

– Значит, у тебя шесть месяцев сроку? – вновь уточнил он, задумавшись.

– Где-то так. В октябре – ноябре залетела.

– В октябре – ноябре, говоришь? Это хорошо. И не помнишь, от кого?

– Не-а, – Лида отрицательно мотнула головой. – А что? Усыновить хочешь?

Неожиданно бывший мент ощутил в себе настоящее озарение. Это было чувство сродни тому, которое испытывает гроссмейстер перед красивейшим многоходовым эндшпилем. Случайное знакомство неожиданно раскрывало замечательные перспективы. Словно из тумана, выплывал план полного уничтожения врага номер один...

План этот, зародившийся абсолютно спонтанно, полностью вписывался в ту самую сто тридцать первую статью, которую Голенков когда-то и собирался повесить на Жулика.

Лида Ермошина забеременела где-то шесть месяцев назад, в октябре – ноябре. А ведь последний раз Сазонова видели в этом городе в то же самое время! Лида решительно не помнила, от кого залетела. А почему, собственно, она не могла забрюхатеть от Жулика? Ведь он был тогда в бегах и потому наверняка не имел никакого алиби. Какое еще алиби у беглого зэка?

Версия «изнасилования» выглядела вполне правдоподобно. О страсти Сазонова к бабам было известно и братве, и ментам... Все красавицы этого города через одну с ним спали, а остальные ограничивались духовной связью – за невозможностью чего-то иного. Правда, прямых улик «изнасилования» пока не было... Но их вполне можно было организовать.

Главное, что косвенные улики напрашивались сами собой. Как и отягчающие обстоятельства.

Шесть месяцев назад маленькой проститутке было всего пятнадцать. Нежный возраст жертвы позволял применить к фигуранту ту часть уголовной статьи, в которой идет речь об изнасиловании малолетней. Срок подачи заявки по подобным делам – год. Значит, время еще есть. В случае чего Мандавошка всегда может сказать следаку: мол, меня запугали физической расправой, потому раньше не заявляла. Изнасилование относится к делам частного обвинения, и будет правильной, если под заявлением Лиды подпишется и ее дедушка – уважаемый человек, заслуженный ветеран конвойных войск МВД.

Рано или поздно Сазонова «закроют»: сколько веревочке ни виться, а для уголовников она всегда свивается в петлю. Беглеца могут арестовать во Франции – с последующей экстрадицией на родину. Беглеца могут арестовать и в России, куда он вполне может вернуться добровольно. Ведь в этом городе осталась его старенькая мать... На следствии к многочисленным статьям обвинения прибавится еще одна, очень, кстати, позорная. С суммарным грузняком профессиональный аферист и отгребет путевку сроком в несколько пятилеточек на хороший северный дальняк. И тогда – прощай, авторитет, и здравствуй, «петушатник»...

Чем больше размышлял бывший оперативник над своим планом, тем более многогранным его находил. Во-первых, Сазонова можно было запросто спровоцировать на возвращение домой. Во-вторых, обвинение по позорной статье сулило для Голенкова не только моральное удовлетворение, но и коммерческую составляющую. Частный дом, в котором жила мать Жулика, тянул не меньше чем на десять тысяч долларов. Да и у профессионального афериста наверняка были припрятаны какие-то сбережения! Например – из ограбленного «Сайгона»... Так почему бы ему не поделиться с человеком, которого он незаслуженно отправил на зону?

– Лида, тебе бабки нужны? – вкрадчиво спросил Голенков.

– Спрашиваешь...

– Слушай. Давай встретимся сегодня вечером, – заговорщицки предложил Эдуард Иванович. – Есть возможность заработать.

– Триста рэ, – отрубилась малолетка, интимно облизав губы острым розовым язычком. – А зачем вечером? Можно прямо сейчас. Только я в кредит не работаю. Бабло с собой?

– Да я не о том... – поморщился бывший сыскарь. – Я тебе другое предлагаю. Надо написать две-три странички текста. И кое-куда сходить. За все про все – пятьсот долларов. Устроит?

– Полштуки гринов? – уточнила барышня, явно не веря. Усвоив информацию, она тут же посыпала вопросами: – А куда я должна сходить и что написать? А ты меня не кинешь?

– Пятьсот долларов ты получишь, если ты под мою диктовку напишешь одно заявление в горотдел и выполнишь все, что я тебе скажу, – доверительно подхватил Эдик и тут же помянул собеседницу дальше: – И еще столько же получишь через несколько месяцев. Только если поведешь себя правильно... Ты абсолютно ничем не рискуешь. Отвечаю. Короче, созвонимся. Только сразу: никому никогда ничего не рассказывай. Даже моей Таньке. Договорились?

* * *

Ослепительно-желтое солнце медленно поднималось над огромным Марселем, окрашивая в пастельные тона старинные портовые кварталы, серые эсминцы на рейде и огромную золоченую статую Мадонны, венчающую купол собора Notre Dame de la Grade.

Ночной портье отеля «Бельвю» только что проснулся. Постояльцы еще спали, а это означало, что у портье было время, чтобы выпить кофе на свежем воздухе.

Пластиковые столики под матерчатыми тентами белели в десяти метрах от гостиничного входа. Бармен уже возвышался за стойкой. Степенно кивнув портье, он поставил перед ним дымящуюся чашку и по-приятельски подсел рядом. Мужчины обменялись несколькими ни к

чему не обязывающими фразами о погоде, туристах и ценах на вино: серьезные темы здесь не приняты, разговор должен быть легким и непринужденным.

Закурив «Галуаз», бармен со смехом поведал, как русский мсье с бородавкой на подборке опять обожрался вчера своим варварским коктейлем и как другой мсье, тоже вроде бы русский, тянул его на себе в гостиницу.

Допивая вторую чашечку кофе, портье обеспокоенно зашмыгал носом. Ему показалось, что со стороны отеля потянуло едкой гарью. Это был явно не запах сигаретного дыма: «Галуаз», который курил собеседник, имел совсем другой аромат.

Попросив бармена обождать, портье спешно вернулся в холл. Здесь, в замкнутом помещении, резкий запах ощущался намного явственней, постепенно приобретая дымную видимость и аварийную концентрацию.

Пока портье размышлял, что следует предпринять, его слух резанул истошный вой сирены. За окнами промелькнул силуэт пожарной машины. Через минуту в фойе ворвался офицер муниципальной спасательной службы. Даже не поздоровавшись, он помчался на второй этаж. Обескураженный портье направился следом. Длинный коридор, устланный алым бобриком, был по-утреннему пуст. Ровный ряд одинаковых дверей с латунными ручками и цифрами номеров выглядел из-за дыма размыто, словно на акварели. От гари першило в горле и резало глаза. Из-под двери номера «27» сочился серый дымок. У портье померкло в глазах – в этом номере обитал тот самый мсье Точилин, о котором он только что говорил с барменом уличного кафе. Видимо, склонный к пьянству мсье заснул с тлеющей сигаретой в руке...

К счастью, все обошлось относительно благополучно. Пожарные, подогнав машину к фасаду, выставили лестницу и, разбив окно горящего номера, сунули вовнутрь брандспойт. В темное задымленное помещение повалила густая белая пена. Пожар оказался не столь серьезным, как могло показаться. Сильное задымление давал тлеющий пластик. Непротрезвевшего, залитого пеной постояльца спешно эвакуировали на свежий воздух. Спустя несколько минут подоспевшая карета «Скорой помощи» отвезла его в госпиталь.

Точилин отделался малой кровью: отравлением угарным газом и незначительными ожогами. Зато интерьер гостиничного номера был безнадежно испорчен. Паркет обуглился и вздулся пузырями, драпировка стен свисала бесформенными тяжелыми клочьями, мебель и потолок почернели от копоти.

Огонь и брандспойтная пена не пощадили личных вещей постояльца. Когда на следующий день в «Бельвю» позвонили из госпиталя и попросили привезти паспорт пострадавшего, хозяин отеля, уже подсчитавший убытки, злорадно заявил, что все документы мсье алкоголика сгорели. Хозяин не врал: огромный кожаный саквояж, с которым Точилин заселялся в гостиницу, превратился в бесформенный обугленный остов в ошметках подсохшей пены.

Перспективы погоревшего отеля выглядели незавидно: дорогостоящий ремонт, вынужденный простой, запятнанная репутация. Мсье Точилина ожидало куда более печальная участь: судебная тяжба, возмещение ущерба по иску и, возможно, арест. Впрочем, даже это казалось ему не самым большим злом. Следователь Генпрокуратуры панически боялся сообщать о произошедшем в Москву: огонь уничтожил не только личные документы, но и абсолютно все материалы уголовного дела вместе с вещдоками, которые он опрометчиво хранил в своем номере...

...Ни пожарный расчет, ни диспетчеры муниципальной спасательной службы Марсея, ни хозяин «Бельвю» так и не установили, кто же сообщил о пожаре в отеле. Правда, диспетчеру, принимавшему сообщение, показалось, что звонивший говорил с акцентом, характерным для выходцев из России...

Глава 5

Со дня возвращения Голенкова в родной город прошло две недели. Ужасы «черной» ментовской зоны потихоньку стирались из его памяти. Бывший опер постепенно расправлял крылья, как летучий змей, и бывшее интриганство прорезалось в нем с новой силой. Да и жизнь вроде бы тоже налаживалась...

В семье воцарился мир – хрупкий, как весенняя льдинка. Наташа вела себя тише воды, ниже травы. Она обладала спасительным для женщины свойством: в критических ситуациях переключала неразвитый слабый мозг на мощную автоматическую систему животных инстинктов. И эти инстинкты подсказывали: свои блядские наклонности следует сдерживать. Хотя бы какое-то время.

Правда, дочь Таня держалась с отцом холодно и отстраненно. К семнадцати годам она прониклась возвышенно-романтическим взглядом на мир и потому явно стеснялась милицейско-лагерного прошлого папы. Эдик видел ее нечасто: дочь действительно зарабатывала карманные деньги, помогая Ермошиной по дому. Проститутское ремесло подруги совершенно не смущало ее целомудрие. Возвращаясь домой, девушка запиралась в своей комнате, проводя время в чтении книг о влюбленных.

Зато Голенков, неожиданно для себя, подружился с молодым ротвейлером по кличке Мент. Каждый вечер он выводил Мента на прогулку и, снимая с него поводок, азартно науськивал на котов. Загоняя очередную жертву на дерево, ротвейлер просительно заглядывал в глаза хозяина, ожидая поощрения. Неподдельная преданность пса подкупала. Он был явно не способен на предательство – в отличие от жены и друзей.

Впрочем, бывший друг Коробейник пока вроде бы не подводил. Он действительно устроил Эдика директором во вьетнамский ресторан. Правда, на всякий случай Юра решил обезопасить себя, потребовав у бывшего коллеги подписку «о добровольном сотрудничестве». Голенков был вынужден проглотить крючок: ведь условия диктовал подполковник милиции. «Пока мне ничего от тебя не надо, – снисходительно напутствовал стукача Юрий Васильевич. – Осмотрись, освойся, прикинь, что к чему...»

Конечно, Нгуену Ван Хюэ не очень-то хотелось связываться со ставленником ОБЭПа. Однако послушаться всемогущего Коробейника он не посмел. Вьетнамец даже подарил новому гендиректору мобильник, разрешил бесплатно столоваться в «Золотом драконе» и выделил служебный автомобиль для развозов – старенький «Опель»-пикап грязно-белого цвета.

Эдик сразу же невзлюбил этого мелкого азиата с жесткими черными волосами и резиновой, словно приклеенной к лицу улыбкой. Несомненно, хозяин «Золотого дракона» тоже не больно жаловал Голенкова, но внешне никак этого не проявлял. Подобно всем людям Востока, вьетнамец был приветлив, услужлив и подчеркнуто доброжелателен. Но бывший опер понимал: гуттаперчевая улыбка Нгуена наверняка скрывает его коварство и жестокость.

А вот жена хозяина, толстая Хьен, явно благоволила новому директору. Это была сдобная, неряшливая вьетнамка с круглым желтым лицом, чем-то неуловимо напоминающим полную луну. При появлении Эдика она расцветала, как лотос на берегу Меконга, и смотрела в его глаза столь выразительно, что Голенкову сразу же вспоминался его ротвейлер. Такое отношение к себе удивляло и настораживало. Ведь Хьен слыла женщиной умной, жесткой и властной – и прислугу, и родственников, и даже Нгуена она держала в черном теле...

Служебные обязанности директора «Золотого дракона» были несложными, но хлопотными: закупать продукты и спиртное, шпионить за персоналом, договариваться об инкассации, выстраивать отношения с налоговой, санэпидемстанцией и пожарными.

Голенков всегда отличался наблюдательностью, сметливостью и остротой ума. Уже через неделю работы он дошел до очевидного: ресторанный бизнес – далеко не главный источник богатств хозяина.

Доходы вьетнамцев были явно несопоставимы с их тратами. Ресторан «Золотой дракон», если верить финансовой отчетности, приносил не более тысячи долларов в месяц. А родственники Нгуена постоянно мотались в свой Ханой, не вылезали со средиземноморских курортов и ежегодно меняли крутящие тачки на еще более крутящие. Огромный загородный дом Нгуена – с пагодами, ландшафтными садиками и золочеными драконами-флюгерами – поражал воображение. Это было типичное воплощение архитектурного стиля «япона мать»; проезжая по шоссе, иногородние водители жали на тормоза и, поворачивая головы в сторону диковинного сооружения, изумленно матерились...

Было очевидно: «Золотой дракон» – лишь прикрытие для какого-то тайного и широко-масштабного бизнеса.

Но выяснение этого вопроса пришлось отложить до лучших времен. Эдуарда Ивановича окончательно захватила идея полного и безоговорочного уничтожения Жулика...

* * *

Наступавшее лето плыло и плавилось в асфальтовом мареве. Городские камни набирали жар. Беспощадное солнце ломилось с белесых небес. В прокаленном воздухе густо стояли бензиновые испарения. Загородное шоссе было плотно упрессовано машинами – ввиду наступающих выходных горожане спешили на дачи.

Обогнав череду автомобилей, белый «Опель»-пикап свернул в переулок и неторопливо покатил по тенистой дороге, ведущей к горотделу милиции. Сидя за рулем, Эдик детально анализировал события последних дней, спрашивая себя: все ли он сделал для уничтожения Жулика?

Получилось, что все.

И даже чуточку больше...

...Привыкший решать все задачи поэтапно, бывший оперативник начал с фальсификации доказательной базы. Три дня назад он попросил Коробейника принести ему несколько фотографий из старых уголовных дел Алексея Сазонова. За бутылку коньяка знакомый графолог из областного УВД снабдил самый эффектный портрет трогательным текстом, выполненным стопроцентно сазоновским почерком: «Дорогой Лидусе Ермошиной от Леша Сазонова на память о наших незабываемых встречах». В тот же день снимок был передан Мандавошке.

И тут произошло неожиданное.

– Я его откуда-то знаю, – твердо заявила малолетняя шалава, пристально всматриваясь в фотографию.

– Да-а? – напрягся Голенков и, ощутив в себе прилив охотничьего азарта, тут же сделал стойку. – Откуда?

На маленьком лобике Мандавошки обозначилась сиротливая морщинка.

– Не помню. Но морда знакомая. Где-то видела. Это точно, – сказала она и тут же добавила: – А ниче пацан, да?

– Где, когда, с кем и при каких обстоятельствах ты могла его видеть?

– Н-н-не помню.

– Ты с ним трахалась?

– Не-а... – протянула Лида не очень уверенно, но тут же пошла на попятную: – Хотя... может быть...

– Вспомни! Ну?

– Думаешь, я их всех упомяну? – призналась базарная проститутка.

– Так, может, он тебя и обрюхатил?

– Может... Хотя нет. Постой, точно не он. Скорее всего, это какие-то пацаны с «Ремза-вода», с которыми я осенью в «Золотом драконе» гуляла.

Как бы то ни было, но спустя сутки в Заводской райотдел милиции поступило заявление от гр. Ермошиной Л. М. об изнасиловании. В качестве обвиняемого фигурировал гр. Сазонов А. К. Заявка, составленная по всем правилам юридической казуистики, содержала массу отягчающих обстоятельств: «применение физического насилия», «особый цинизм», «запугивание» и даже «извращенную форму».

Выяснив личность заявительницы, дежурный следователь лишь саркастически хмыкнул: он прекрасно знал Мандавошку, потому что и сам многократно прибегал к ее интимным услугам. Но заявление, конечно же, зафиксировал – накануне ему позвонили из ГУВД, настоятельно посоветовав раскрутить производство «дела об изнасиловании» по полной программе.

К тому же потерпевшая заявила в ментуру не одна, а с дедушкой, заслуженным ветераном конвойных войск МВД. Выпятив узкую грудь, обвешанную вертухайскими медальками медно-никелевого сплава, старик долго и нудно варьировал одну и ту же тему: «Куда смотрит милиция?!»

Внучка и дедушка покинули райотдел только через час. Голенков, сгорая от нетерпения, ожидал их в кафетерии соседнего гастронома. Подарив отставному «дубаку» триста рублей и бутылку водки, Эдик интимно взял Ермошину под руку и повел во двор.

– Приняли заявление? Ты все сделала, что я говорил?

– Ага, – кивнула Мандавошка и протянула руку ладонью вверх. – Ну и где мои пятьсот гринов?

– Держи, – бывший мент отсчитал ей пять сто долларовых банкнот.

– Ну, спасибо! А я думала, кинешь. Сразу видно: ты – мужчина самостоятельный, – уважительно оценила Мандавошка. – А теперь что?

– А теперь мы поедем на улицу Рокоссовского, – распорядился Эдуард Иванович. – К твоей будущей свекрови. Слушай внимательно. При ней не курить и не материться. Не употреблять слов «в натуре», «микрофон» и особенно «бля». Вместо слова «трахаться» надо говорить слово «коитус». Обращаться к старухе исключительно вежливо и только на «вы». Ты девочку-одуванчика изобразить сумеешь?

– Предлагаешь под интеллигентку закосить? Типа, как твоей Танькой прикинуться?

– Вот именно, – вздохнул Голенков и, заметив на лице девушки глупую ухмылку, немного повысил голос: – Только не надо лыбиться. Серьезней, серьезней... Изобрази задумчивость.

– А это как? – не поняла Мандавошка.

– Сколько будет семью восемь?

Ермошина глубокомысленно наморщила лоб.

– Отлично, – удовлетворенно кивнул Эдик. – Вот с такой мордой и пойдешь к старухе. А теперь запоминай, что надо будет сказать...

Александра Федоровна жила в добротном белокирпичном доме на окраине города. Старый фруктовый сад, герань на окнах, деревянная ограда, увенчанная трехлитровыми банками, – все это придавало жилищу черты трогательной патриархальности.

Столь же патриархально выглядела и хозяйка. Это была аккуратная седенькая старушка – добрая, гостеприимная и немного боязливая. Усадив гостью на кухне, она неспешно налила ей чаю и придвинула вазу с печеньем.

Неожиданно из-за полинялой портьеры вышел огромный черный кот геральдического вида. Свой роскошный пушистый хвост он нес с горделивым достоинством, словно был не котом, а брачующимся павлином. Видимо, этот четвероногий друг и скрашивал одиночество мамы особо опасного рецидивиста.

– Тасик, Тасенька!.. Иди сюда, мой хороший!.. – ласково позвала старушка.

Кот пружинисто запрыгнул ей на колени и замурлыкал. Механически почесывая его за ушком, Сазонова наконец спросила:

– Ну, что у вас, деточка?

Мандавошка закатила глаза и двинула речь. Она оказалась не только талантливой проституткой, но и замечательной актрисой. И потому ее декламация была исполнена истинного трагизма.

– У меня с вашим Лешей полгода назад был роман, – смиренно сообщила она и протянула руку, чтобы погладить Тасика.

Тот с неожиданным проворством цапнул ее за палец и, возмущенно зашипев, спрыгнул с колен хозяйки. Пренебрежительно встав к гостье задом, кот завил хвостом, словно говоря: «Да врешь ты все, сука...»

Однако Ермошину это не смутило.

– Но ведь я тогда не знала, что он – уголовник, из тюрьмы сбежавший! – Малолетка драматически возвысила голос. – А знала бы... все равно бы его не разлюбила! Какие он мне слова говорил! Как много всего обещал!

Сазонова слушала недоверчиво. Кот, косясь на девушку строгим зеленым глазом, презрительно фыркал.

– Если честно, у моего Лешеньки много разных романов было... – призналась Александра Федоровна, в ужасе глядя на выпуклый живот малолетки. – Только не обижайтесь. Он ведь уже взрослый мужчина.

– Вот именно. Все мужики одинаковы, – надрывно продолжила Мандавошка, ничуть не обидевшись. – Им только одного подавай... Все до сладенького охочи! А ведь я девушка порядочная, так ему, значит, сразу и сказала: сперва загс, а потом этот, как его... койотус... то есть коитус. А в загс еще рано было идти... Мне тогда только пятнадцать исполнилось. А он... сперва приставать начал... а потом... когда я ему не дала...

И тут Ермошину прорвало. Из уголка глаза грязной дорожкой потекла тушь. Поднявшись из-за стола, проститутка развернулась беременным животом в наивыгоднейшем ракурсе. Всхлипнула, зашмыгала носом и, поминутно делая многозначительные паузы, живописала в натуралистических подробностях, как Леша, избив ее в кровь, изнасиловал в самой что ни на есть извращенной форме, лишив при этом девственности. После чего запугал: мол, в милицию не ходи, из-под земли достану!

Александра Федоровна молчала убито. По рассказам визитерши, Лешенька оказался свирепым маньяком-педофилом. Все это совершенно не походило на ее сына...

– Извините, но я вам не верю, – сказала Сазонова и нервно поправила седую прядь. – Мой сын не мог так поступить. Девушки на нем гирляндами висли, это правда. Но чтобы он оказался насильником... Такого просто не может быть. Наверное, вы его просто не знали. А может, это вовсе не Леша был?

Жертва насилия продемонстрировала бабушке фотоснимок с дарственной надписью.

– Его рукой написано?

Александра Федоровна лишь вздохнула. Почерк сына она узнала бы из тысячи подобных. Крыть было нечем.

– И... чего же вы от меня хотите?

Вот тут-то Ермошина и объяснила – чего. Утерев кулачком грязные слезы, она заявила, что материальная компенсация в десять тысяч долларов вполне ее удовлетворит.

– Так ведь это грабеж среди бела дня! – всплеснула руками старушка. – Где же мне такие огромные деньги сыскать?

– А уж этого я не знаю. Кто моего ребенка будет кормить? Между прочим – вашего внука... А если не хотите со мной по-хорошему добазариться – найдем мы на вас управу, найдем. Я девушка хоть и бедная, но в натуре честная. Уже и заяву в мусорню накатала. Если я

ее не заберу – ждите неприятностей. Рано или поздно вашего сына-наильника закроют и кинут в тюрьму. На суде я молчать не буду, посажу вашего Лешу, хотя его и любила. А на зоне... будет ваш сын дырявой ложкой баланду хлебать да на параше утреннюю зорьку кукарекать. Хотите, чтобы с него обвинения сняли, – ищите деньги. Да побыстрее, пока я не родила. Дом-то ваш небось многие тыщи стоит, – многозначительно заключила шантажистка и, встав у окна, выпятила живот.

– Так ведь это не я вас насильовала! – справедливо напомнила Александра Федоровна. – Если считаете, что Леша перед вами виноват, – к нему и обращайтесь!

– Короче, со мной можно связаться вот по этому телефону. – Лида положила на стол клочок бумаги с номером мобильного Голенкова. – Сроку у вас – ровно месяц.

И, не прощаясь, зацокала каблучками к двери.

Эдуард Иванович ждал ее в своем «Опеле».

– Ну, что у тебя? – спросил он, едва девушка плюхнулась в кресло.

– Короче, бабка, бля, потекла сразу, – самодовольно улыбнулась проститутка и вкратце пересказала содержание беседы.

Она почти ничего не приврала, добавив лишь вскользь: мол, старуха Сазонова оказалась настоящей ведьмой, потому что натравила на нее дикого бешеного кота.

– Послушай, папик... Что-то уж больно стремную вещь ты затеял, – обеспокоилась Лида, когда «Опель»-пикап выехал на асфальтовую дорогу. – Ведь меня в этом городе слишком многие знают. И далеко не как девочку-одуванчика.

– Заяву у тебя в райотделе приняли, – напомнил Голенков равнодушно. – Уголовное дело имеет отличную судебную перспективу. Это я тебе как бывший капитан милиции говорю. Так чего ты волнуешься?

– А если это... как ее там... экспертиза? Ну, по установлению отцовства. Анализ спермы, все такое... Тогда что? У половины города придется сперму брать для анализа!

– Ну и что? С экспертами, что ли, трудно договориться? Деньги-то все любят. В случае чего мы тебе и толковых свидетелей организуем. Которые видели, как Жулик тебя насильовал. Можем задним числом даже справку из травмпункта организовать. Куда ты якобы обращалась полгода назад... Ну, когда Сазонов тебя в кровь избил. Он-то тогда в бегах был. Какое может быть алиби у беглого уголовника? Кто ему поверит?

– А если сам Жулик... Мстить начнет? Смотри, чтобы мне потом шифроваться от него не пришлось!

– Это он от тебя должен шифроваться. И не только от тебя, – молвил Эдик многозначительно. – И вообще: не рыпайся и не суетись под клиентом. Я тебе пятьсот долларов обещал? Обещал. Ты их получила? Получила. Через пару месяцев получишь еще столько же.

– Правда?

– А разве сегодня я тебя обманул?

Шоссе, прорезавшее субтильный лесок, было пустынным. Голенков выжимал из старенького «Опеля» предельную скорость – стрелка спидометра дрожала на отметке «90».

Внезапно Мандавошка подалась к водителю корпусом и, обвинив его шею руками, попыталась поцеловать взасос. От неожиданности Эдик едва не выпустил руль. Однако успел-таки снизить скорость и плавно нажать на тормоз. Легкий «Опель» пошел неуправляемым юзом и едва не перевернулся на вираже. К счастью, все обошлось: чиркнув днищем об асфальт, машина плавно съехала в неглубокий кювет и остановилась.

– Ебнулась? – побелевшими от страха губами спросил Голенков.

И тут произошло то, чего бывший опер никак не мог ожидать...

– Я тебя люблю, – ласково сказала малолетка. – А можно... я тебя поцелую?

– Фу-у-у... Ну ты и ду-ура! – только и мог выдавить из себя Эдуард Иванович и, подставив щеку, сказал разрешающе: – На, целуй быстрее, да поехали.

Голенков так и остался сидеть, подставляя щеку под поцелуй...

Голова девушки мгновенно пригнулась к его животу. С едва различимым треском вжикнула «молния» брюк. Мужчина даже не успел удивиться: штаны вместе с трусами оказались приspущенными. Наманикюренные пальцы профессионально заскользили по члену, который мгновенно напрягся.

– Да ведь... люди заметят! Тут же дорога, машины ездят! – ужаснулся бывший мент, тщетно пытаясь оттолкнуть Мандавошку.

Вздыхнув, словно ныряльщик перед прыжком, Ермошина мгновенно заглотила член по самый комель.

– М-м-м-мм... не меф-фай...

Лида оказалась потрясающей мастерицей своего дела. В минете она задействовала абсолютно всю полость рта, включая гортань и гланды. Она нежно покусывала член, языком передвигала его за щеку, и там ясно и выпукло обозначалась головка... Резные вишневые губы сомкнулись кольцом и плотно заскользили вверх-вниз. Сосала она с ожесточением изголодавшегося младенца, дорвавшегося до мамкиной сиськи. Когда Голенков, почувствовав приближение оргазма, попытался отстраниться, девушка сунула руки под его зад и впиалась ногтями в ягодичцы. Да так и натягивала свой рот на член, пока мужчина, судорожно дергаясь, не кончил.

У Эдика звенело в ушах и стучало в висках. Рубашка мгновенно взмокла. Перед глазами плясали огненные круги, и сквозь них он видел, что коротко стриженная голова Ермошиной по-прежнему лежит у него на коленях.

Он попытался высвободиться, но тщетно: барышня вцепилась в него мертвой хваткой. Только теперь Голенков понял, за что Лида получила кличку Мандавошка. Сперму она высасывала всю, без остатка, и в этот момент ее нельзя было оторвать от ее источника даже пассажками...

Уже подъезжая к «Золотому дракону», Эдуард Иванович с ужасом осознал: а ведь случись на дороге свидетели – и его тоже можно было бы отгружать по пресловутой сто тридцать первой статье!

– Сколько с меня? Триста рэ? – сумрачно спросил Голенков и потянулся за портмоне.

– Обижаете, – засокрушалась влюбленная проститутка. – Я ведь тебе чисто приятное сделать хотела!

– Моя Танька всего на год старше тебя, – напомнил Эдик, но портмоне все-таки спрятал.

– Ну и что? Да ладно, не ссы, я ей не скажу. А ты такой сладкий... и такой упр-ругий! – Последнее слово Лида вымолвила с особой твердостью и эрегированностью.

– Никуда не исчезай, будь на связи, – вздохнул Эдик, поправляя брючный ремень. – Может, придется твои показания в прокуратуре закреплять.

– Какой базар? Чао, папик! – бросила Мандавошка и, интимно облизав влажные губы, вышла из салона.

Голенков дал себе слово больше никогда не вступать с барышней в интимные отношения. Хотя и предчувствовал, что в будущем нечто подобное наверняка повторится...

...Доехав до горотдела, Эдик припарковал машину и, закурив, направился к розыскному стенду. Под потечным стеклом белела свежая ориентировка:

«По подозрению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 131, ч. 2 УК РФ, разыскивается особо опасный рецидивист Сазонов А. К...»

Слева от текста темнели две фотографии разыскиваемого: анфас и в профиль.

Добросовестно прочитав ориентировку от начала и до конца, Голенков заулыбался. Блестящая идея, совершенно случайно зародившаяся в его голове серым похмельным утром, наконец обрела материальное воплощение.

– Вот так-то, – потирая руки, прошептал он. – Давай, уголовная рожа, приезжай на разборку... Вот тут-то тебя и закроют на «чалочку». И сразу – к параше. Там твое место...

Эдик сделал что мог, и ответный ход был, безусловно, за Жуликом. Бывший сыщик прекрасно знал, на что способен этот умный и расчетливый проходимец, и потому приготовил несколько отличных заготовок.

Однако события, развернувшиеся спустя несколько дней, заставили его на какое-то время позабыть и о Ермошиной, и даже о Жулике...

Глава 6

Над городским рынком зависло слепящее белое солнце. Липкий асфальт плавился, обжигая подошвы. Продавцы, безвылазно сидевшие за горячими железными прилавками, поминутно обмахивались газетками. Толстые торговки сутулились, отлепляя размокшие блузки от огромных грудей.

Базарное утро кончалось. Оглушенные покупатели слонялись по лабиринтам торговых рядов. Несмотря на солнцепек, народу было немало. Стараясь держаться теневой стороны, посетители рынка передвигались от прилавка к прилавку со скоростью снулых мух.

И никто не обращал внимания на длинную, как швабра, женщину, энергично вышагивающую от лотка к лотку. Выглядела она весьма колоритно: короткая стрижка, плоская грудь, позеленевшее от водки и анаши лицо... Грязная марлевая повязка на шее поддерживала негнущуюся загипсованную руку. Видимо, рука была покалечена очень серьезно: толстый слой лубка скрывал ее всю, от предплечья до кончиков пальцев. Несмотря на жару, покупательница была в длинной плиссированной юбке и широченной шерстяной кофте.

Походив по рынку минут пятнадцать, она наконец-то остановилась в бакалейном ряду. Водрузила на прилавок загипсованную конечность, взяла здоровой рукой банку кофе и, критически осмотрев ее, уточнила прокуренным баритоном:

– Натуральный?

– Естестн-на! – Толстая потная торговка ощерилась в улыбке полкило золотых протезов.

– Подделка небось? – Покалеченная рука медленно сдвинула в сторону разложенный товар и легла на самый центр прилавка.

Златозубая продавщица неодобрительно покосилась на загипсованную часть тела, но возмущаться не стала: покупатель всегда прав. Да и несчастной калекке наверняка было трудно держать на весу несколько килограммов гипса.

– Да что вы, какая подделка! Это Бразилия, – горячо заверила торговка и для пущей маркетинговой убедительности даже процитировала надпись на банке: – Вот, смотрите, внизу написано: маде ин Бразил...

Однако покупательница упорно не верила, что кофе происходит из страны диких обезьян.

– Да че ты мне тут мозги полощешь? – недоверчиво поморщилась она и, ловко достав здоровой рукой «беломорину», щелкнула зажигалкой. – Написать что угодно можно. У меня в подъезде и не такое написано. Фуфель это, натуральный. Я у тебя уже раз кофе купила – потом три дня с толкана не слезила.

Осторожно сняв с прилавка покалеченную руку, привередливая покупательница отошла от лотка. Но не успела она сделать и трех шагов, как сонную атмосферу рынка прорезал истошный вопль:

– Нюра, это воровка! Вон та, инвалидка! Она у тебя половину товаров унесла!

Женщина-инвалид резко оглянулась и ускорила шаг. А из-за прилавка уже выбегала встревоженная торговка Нюра. Бегло осмотрев свой лоток, она сразу же убедилась в правдивости обвинений.

– Петрович, удержи ее! – заголосила Нюра, гневно сверкая золотыми зубами. – Да, да, вот эту, высокоую, с рукой!

Из-за соседнего лотка выскочил плотный мужчина и, раскинув руки крестом, преградил убегавшей дорогу. Та попыталась поднырнуть под его плечо, однако торговец цепко схватил ее за грудки.

– Ты на кого буром прешь, бычара? – ощерилась обвиненная в воровстве покупательница и выдала несколько фраз – явно не из словаря профессора филологии. – Слышь, петух комнатный, клешни по быструхе убрал, да?! – сердечно добавила она, тщетно пытаясь высвободиться.

К задержанной уже спешили встревоженные работницы прилавка. Неряшливая чернявая тетка с лицом истерички подталкивала локтем златозубую Нюру.

– Она мне сразу не понравилась! – кричала чернявая, явно гордясь своей пронизательностью. – Никакая она не инвалидка, и все руки у нее на месте! Эта она специально на шею кусок гипса повесила, с понтом рука поломана. Вот, смотри!

С этими словами бдительная бизнесменша вцепилась в покалеченную конечность и резко потянула ее на себя...

Загипсованная рука с треском оторвалась от пустого рукава. Необъятная кофта разошлась в стороны, и на асфальт посыпались банки кофе, коробки сардин, шоколадные плитки и разноцветные пачки сигарет.

Публика ахнула.

«Рука в лубке» оказалась искусно сделанным муляжом, призванным усыпить бдительность торгашей. Остановливаясь у лотка с разложенным товаром, симулянтка демонстративно водружала фальшивку на прилавок и отвлекала торговку вопросами. Широченная кофта скрывала абсолютно здоровую конечность, прижимаемую к груди. Пока продавщица проводила рекламную акцию, эта рука незаметно высовывалась из прорези кофты и под прикрытием массивного муляжа тащила с лотка что ни попадя...

Место происшествия мгновенно набухло толпой. Любопытствующие, привлеченные скандальностью ситуации, тянули шеи и поднимались на цыпочки. Воровку пронизывали колкие враждебные взгляды, словно прожекторные лучи – самолет, который сейчас собьют.

Обворованная торговка Нюра так и осталась стоять, опустив челюсть: ничего подобного за свою бизнес-карьеру она не встречала. Зато ее чернявая товарка мгновенно посыпала истеричной скороговоркой:

– Параститутка хренова! Ишь, до чего додумалась – честных людей обворовывать! Нам, значит, целыми днями на солнцепеке жариться, а ты на шармачка захотела? Да мы тебе сейчас юбку на шее завяжем, проשמандовка ты нахальная... мы тебя... в говне изваляем...

Народ не безмолвствовал. Из толпы летели сочувственные реплики:

– В милицию ее сдать!

– Да на хрен еще менты? Щас ее прямо тут и уроют!

Глаза воровки затлели мрачным волчьим мерцанием. Видимо, она окончательно поняла, что солнце ей не светит и ловить больше нечего.

– Ты на кого мазу тянешь, гумозница? Да я те щас, дешевка... – хриплым баритоном процедила она и, схватив обеими руками гипсовый муляж, со всего размаху двинула им по голове истерички.

Та плюхнулась задницей на асфальт и заголосила:

– Люди добрые! Помогите!

Толпа угрожающе надвигалась, смыкаясь кольцом. Запахло самосудом и линчеваньем.

– Милиция! – продолжала голосить чернявая, утирая кровь с разбитого лба. – Позовите же милицию!.. Хулиганы здоровья лишают!..

Цвыркнув на асфальт длинной желтой слюной, воровка медленно достала из кармана опасную бритву и мгновенно раскрыла ее. Солнечный лучик угрожающе прокатился по тонкому лезвию.

– Первого же, кто ко мне подойдет, – попишу! – тихо, но очень явственно пообещала она.

Толпа в страхе отступила.

Неожиданно из-за спин собравшихся послышался чей-то начальственный окрик:

– Что здесь происходит?

Публика, словно по команде, развернулась назад. Сквозь толпу медленно пробирался невысокий сухопарый блондин в элегантном песочном костюме. Дорогие солнцезащитные очки от «Гуччи» и изящная широкополая шляпа частично скрывали верхнюю часть его лица. Выглядел блондин весьма импозантно: энергичный поворот головы, волевые морщины, рельефные тонкие губы... И лишь уродливая бородавка на подбородке заметно портила его внешность.

– Так, быстренько расходимся, – с командными интонациями проговорил подошедший. – Нечего тут стоять.

Приблизившись к воровке, он ловко заломал ее руку назад – бритвенная принадлежность тихо звякнула об асфальт.

– Эт-та что еще за хрен с бугра выискался? – развязно удивилась истеричка. – Мужик, те чего надо? Ты кто здесь такой?

Подошедший презрительно покосился в ее сторону. Он стоял, чуждый жаре и толпе, в светлом с иголочки костюме, явно раздумывая, стоит ли реагировать на вопрос.

– Уважаемая гражданка... Обращаться к незнакомым людям следует вежливо. А в разговоре с ответственными сотрудниками Генпрокуратуры требуется особая осторожность, – наконец снизошел он до ответа и, помахав перед носом Нюры сафьяновым удостоверением с золотым тиснением «ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ», продолжил с казенной деловитостью: – Я все видел. Все свободны. А вот потерпевшую и свидетелей я попрошу остаться. Сейчас вы сообщите мне свои паспортные данные... А эту мразь я лично отведу в горотдел.

Говоривший был холоден и надменен. Фраза насчет «горотдела» была произнесена им с такой веской убедительностью, что никто даже не догадался спросить: с каких это пор ответственные сотрудники Генпрокуратуры ловят базарных воришек?

Задержанная, даже не взглянув на подошедшего, процедила с ненавистью:

– Банкуй, мусорня... Твоя взяла!

– Фамилия! – прозвучало властное.

– Манда кобыля!

– Так ты еще и грубишь? Документы есть? Нету? Ладно. Не хочешь говорить – и не надо. В кабинете у опера все скажешь, – карающе и презрительно посулил ответственный прокурорский сотрудник, поднимая с асфальта гипсовый муляж руки. – Кто тут потерпевшая? Вы? Гражданочка, попрошу ваши паспортные данные... Никуда не уходите, за вами из горотдела машина придет. Можете потихоньку сворачивать торговлю.

– А почему бы нам всем сразу в милицию не поехать? – резонно спросила чернявая истеричка, утирая кровь с разбитого лба.

Сотрудник Генпрокуратуры доверительно улыбнулся:

– Вы что, не видите, кто перед вами? Уголовница, рецидивистка... клейма негде ставить. Ее сперва как следует обработать надо. Может, еще какие-нибудь преступные эпизоды всплывут. Тут недавно в горсаду обезглавленный труп нашли с тридцатью пятью ножевыми ранениями. Между прочим, приметы этой гражданки подозрительно совпадают с розыскной ориентировкой убийцы, – заявил он и, выкрутив руку воровки за спину, поволок ее на выход.

– М-м-м... Какой мужчина! – причмокнула языком чернявая, глядя в спину сотруднику Генпрокуратуры. – Прямо Ален Делон!

– Ой, и не говори, – подтвердила Нюра, собирая с асфальта шоколадки, сигаретные пачки и банки с кофе. – И бритвы не испугался... Не подоспей он вовремя – нас бы эта воровка на части порезала!..

* * *

Центральный рынок и горотдел милиции разделяли какие-то триста метров. Путь через безлюдную заброшенную стройку сокращал это расстояние почти вдвое.

Заведя задержанную за высокий бетонный забор, ответственный сотрудник прокуратуры неожиданно высвободил ее руку.

– Пиля, – душевно произнес он, – а зачем тебе, собственно, в горотдел? Там что – собрались твои лучшие друзья?

Та обернулась и, взглянув на арестовавшего ее человека, едва не лишилась чувств... Тонкие выщипанные брови удивленно поползли вверх, зрачки расширились, челюсть отвисла. Прислонившись спиной к забору, воровка смотрела на мужчину, словно на кладбищенское привидение.

– Ле...ха? – хрипло прошептала она.

– Леха, – невозмутимо подтвердил Алексей Сазонов, снимая солнцезащитные очки. – Неужели ты только теперь меня выкупила?

– Да я... да ты... – Пиля явно не верила в реальность происходящего. Достав из кармана «беломорину», она судорожно смяла бумажную гильзу и, закурив, прикоснулась к рукаву Жулика так, будто перед ней стоял бесплотный дух.

– Только не надо примитивного мистицизма. Это действительно я, – обаятельно улыбнулся Сазонов, дружески обнимая товарку.

– Ле-е-еха... – вновь прошептала воровка, медленно осознавая. Наконец, нервно затянувшись папиросой, выпалила: – А центровая братва цинканула, что тебя парижские мусора на кичман окунули! Ты че – в отрыв, значит, ушел?

– А ты думала, я здесь по туристической путевке? Или по международной программе обмена братвой?

– Как? И прямиком из Франции – сюда?

– Как видишь.

– Так ведь это у тебя уже... третий рывок!

– Один рывок с кичи – геройство. Два – фарт. А три – это уже статистика, – белозубо улыбнулся недавний арестант «Сантэ». – Ладно, по быструхе сматываемся. Не ровен час, и впрямь на ментов нарвемся.

Дорога, петлявшая между оплывшими котлованами, была очень узкой, и идти приходилось гуськом. Глядя в спину особо опасной рецидивистке Маргарите Пиляевой, Жулик доброжелательно улыбался.

Он прибыл в родной город лишь час назад. Позвонил Пиле домой и, не застав ее, решил пройтись по базару. Ведь Центральный рынок всегда был ее любимым охотничьим угощем.

Эта заматеревшая на женских зонах блатнючка слыла человеком темных кровей, запутанной биографии, но просветленной и щедрой души. Убежденная лесбиянка-«коблиха», Рита тем не менее обладала множеством несомненных достоинств: любила друзей, гостей, анашу и неразведенный спирт, люто ненавидела мусоров и их пособников, дралась не хуже отвязанного омовца и чтילה воровские понятия похлеще самого ортодоксального блатного.

Пиляева, жившая под девизом «ни дня без кражи», считалась в преступном мире золотой пацанкой. Многие побаивались эту острую на язык и невоздержанную на поступки уголовницу. По слухам, даже сам Дядя Ваня, «смотрящий» по городским рынкам, старался не конфликтовать с воровкой без особой нужды.

Зато Леху Сазонова связывала с ней долгая и крепкая дружба. Они были знакомы с детства и доверяли друг другу на все сто. Немало славных дел было провернуто Жуликом с ее помощью, немало общих дорог пройдено, и кто знал – сколько еще предстояло пройти?

Вот и теперь, вернувшись домой, беглый арестант решил обратиться за помощью именно к ней...

...Поминутно оборачиваясь, блатнючка сыпала вопросами:

– А как же... прокуратура, ксива?.. Слышь, а бородавка у тебя давно выросла? И волосы сильно посветлели... Ты же никогда не был блондином! Откуда? Ну, ты и арти-ист... Даже я тебя на рынке не выкупила! Думала – мусор, в натуре.

– Я действительно несколько изменил имидж, посетив в Марселе магазин театрального грима, – невозмутимо признался Леха. – Гримом-то я еще с детства пользоваться умею, школьный драмкружок не зря посещал. А прокурорская ксива... Я ее у одного командированного алкаша реквизирувал. Там же, в Марселе, и познакомился. Считаю, подфартило. Ксива сотрудника Генпрокуратуры – не только удостоверение личности, но и грозное оружие. Ты в этом только что убедилась. А оружие никогда не доверяют детям, безумцам и особенно хроническим алкоголикам.

– Значит, ты по его документам и вернулся в Россию? – догадалась Рита.

– Ну да. Хотя мог запросто задержаться еще на несколько месяцев... Но, сама понимаешь: в гостях хорошо, а дома – лучше.

– А как же... – начала было Пиля, однако Сазонов прекрасно понял ход ее мысли.

– Во Франции у меня было два пути: или переклеить фотографии на ксивах под свою «вывеску», или переобдояжить собственную «вывеску» под фотографии на ксивах. Я выбрал второй вариант. Подделка документов – это конкретный грузняк. А про театральный грим в Кодексе ничего не написано. Краска для волос, накладная прическа и брови, силиконовые пластинки в нос и под щеки и прочие корректирующие средства позволяют творить настоящие чудеса. Конечно, полного портретного сходства я не добился, но и приблизительного было вполне достаточно. А главное, у этого командированного алкаша, старшего следователя Генпрокуратуры Александра Точилина, была очень характерная деталька – бородавка на подбородке. Накладные бородавки продаются в магазинах театрального грима по десять-пятнадцать евро за штуку. Диплома об окончании театрального училища при покупке не требуется. Крепится она при помощи специального клея. Психика человека устроена так, что он сразу же обращает внимание на самую запоминающуюся деталь внешности... Пограничник на КПП, который проверял мой паспорт, только на эту бородавку и пялился. Ладно, подробности я тебе потом расскажу. И не только про ксиву. – Помолчав, Жулик спросил задумчиво: – Как там моя мама? Давно ее видела?

– Скучает без тебя тетя Шура, – ответила Рита и, вздохнув, добавила: – Ох, Леха, зря ты, конечно, вернулся. Наши мусора на тебя левый прикуп сбили, конкретный фуфляк заряжают. Такая параша про тебя в городе покатила!..

– Это неудивительно. Сотрудникам милиции всегда свойствен обвинительный уклон, работа у них такая, – невозмутимо парировал Сазонов.

Пройдя заброшенную стройку насквозь, собеседники вышли на оживленный проспект.

Леха встал на обочину и призывно поднял руку, подманивая такси. Частник из правого ряда тут же отслоился от общего потока движения, вильнул к бровке и плавно притормозил.

– На железнодорожный вокзал, – скомандовал Жулик, усаживаясь в салон. – Рита, я сейчас в камере хранения кое-что заберу. Потом сядем, поговорим... Мне очень нужна твоя помощь.

– Какой базар, Леха! Да я за тебя... в натуре любому рогомету глотку порву! Сукой буду, зуб даю, век воли не видать! – горячо заверила блатнючка, ощерив в улыбке острые прочифиренные зубы.

– Есть очень козырная тема. Поинтересней, чем барыг на рынке бомбить.

На вокзале Сазонов пробыл недолго. Нырнув в подвальчик камеры хранения, он спустя десять минут вернулся с чемоданом в левой руке и большим портфелем крокодиловой кожи – в правой.

– Давай где-нибудь спокойно и обстоятельно побеседуем, – предложил он, усаживаясь в салон. – Только, естественно, не у моей мамы. Кстати, она еще не знает, что я здесь. А звонить ей... сама понимаешь, не с руки. А вдруг телефон на прослушке?

– Ты где остановился?

– Пока нигде. Всего час как приехал. Скорее всего, заселюсь в хорошую гостиницу, как белый человек. Никому и в голову не придет меня там искать. Не забывай, Рита: я ведь тут в долговременной служебной командировке. Генпрокуратура, где я с недавних пор подвигаюсь следователем по особо важным делам в звании старшего советника юстиции, о-очень заинтересовалась некоторыми странными вещами, происходящими в нашем городе.

– А давай ко мне по быструхе заскочим, – неожиданно предложила блатнючка и, со вздохом осмотрев себя с головы до пят, пояснила: – «Кишки»-то на мне рабочие. Хорошо бы переодеться. Юбка, шерстяная кофта... С ума можно сойти по такому зною!

– А может, не надо к тебе? – задумчиво возразил Сазонов.

– Да че ты менжуешься, как зеленый пацан! Я по быстряку. На пять минут всего. Целую неделю эта жара жить не дает!

– Да уж. Потеплело, и это заметно, – согласился Жулик, поворачивая голову в сторону стайки девушек в мини-юбках, выходящих из здания вокзала. – В городе появилось много женщин с кривыми ногами.

– Ох, Леха, если ты когда-нибудь вновь запалишься, то это произойдет из-за баб, – вздохнула Пиляева и, помолчав, добавила очень серьезно: – А вообще, считай, ты уже запалился на бабе...

– Имеешь в виду девушку периода полового созревания, которая якобы от меня забеременела? – уточнил Жулик невозмутимо. – Так мне об этом известно. Именно из-за нее мне и пришлось вернуться несколько раньше, чем я рассчитывал.

– Да на хрен она тебе сдалась! – не поняла воровка; осведомленность Сазонова явно впечатлила ее. – Кочумарил бы себе во Франции!

– Родительский дом для меня слишком дорог. Как и собственная незапятнанная репутация. Впрочем, вернулся-то я не только из-за беременной барышни.

Несколько минут ехали молча. Рита сосредоточенно тянула «беломорину» и, исподтишка поглядывая на Леху, то и дело восхищенно цокала языком.

– Как там, в Марселе? – наконец спросила она.

– «В Марселе таки-ие кабаки, таки-ие там мамзели, таки-ие бардаки!» – процитировал Жулик старый блатной куплет. – Хорошо в Марселе. Шмары красивые. Лохов много.

– А как тамошние фраера живут? Небось, как в раю? Кстати, а как там погода? Такая же жара? – выдала воровка очередную порцию вопросов.

– В раю всегда самый шикарный климат, – согласился Жулик и, подумав, добавил многозначительно: – Зато в аду – самая теплая компания!

* * *

Квартира Риты Пиляевой невольно воскрешала в памяти полузабытое слово «хавера». Истертый линолеум, свисающие ключья обоев, прохудившийся диван с торчащими пружинами, ржавые трубы на кухне... Эта хата не раз становилась приютом для находящихся в розыске пацанов, бежавших с «химии» бродяг и всякого неприкаянного люда. В свое время и Леха провел здесь немало дней и ночей, скрываясь от Уголовного розыска.

– Ну что – переодевайся, да поехали, – попросил Сазонов, критически осматривая огромную лужу под кухонной мойкой.

– Слышь, Леха, я по быструхе. А ты, если хочешь, кофе попей или чифирни... На полке найдешь чего хочешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.